

Мария Фир

Дорога мертвых

16+

Мария Фир
Дорога мёртвых

«Автор»

2020

Фир М.

Дорога мёртвых / М. Фир — «Автор», 2020

Надеждам Сони не суждено было сбыться: тёмный дар её старшей дочери Лизы пробудился и требует от девушки решительных действий. Объединившись с братом Фредериком, юная некромантка тайно практикуется в запретных заклинаниях и готовится поступать в магическую Академию. Она не подозревает о том, что у родителей другие планы на её будущее, а осуществить их поможет новое изобретение Ордена Инквизиции. Вторая книга цикла "Архив Сандбергов", том 1, "Город на краю света".

© Фир М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Книга первая: Город на краю света	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мария Фир

Дорога мёртвых

Книга первая: Город на краю света

Глава 1

Несанкционированное проникновение в сознание гражданина и установка телепатического контакта с целью извлечения информации, передачи сведений, введения в навязчивое состояние и т. п. расценивается как психомагическая атака и подлежит квалификации по статье 14.3/1. (Вольдемар Гвинта, Учебник для искателей первого года обучения)

– Эй, учёные, хорош зубрить! Так ведь и головы могут лопнуть!

Лохматый светловолосый паренёк, весь обсыпанный рыжими веснушками, ловко перескочил невысокую ограду школьного сада и устремился к сидящим в тени раскидистой липы мистикам. Фред моментально захлопнул учебник и поднялся приятелю навстречу, протягивая руку для приветствия:

– Ну, здорово! Куда торопишься?

– К часовой, – мотнул головой белобрысый. – На лесную ведьму поглядеть охота, пока не спалили. Ух и страшная, говорят, уши во-о-от такие, когти что крючья, а глазищи в поллица. На Мику ка-а-ак зыркнула утром, когда из лесу её тащили, так он до сих пор на лавке валяется, отойти не может. Как там бишь такие штуки у вас называются?

Сестра Фреда, темноволосая худенькая девушка по имени Лизабет, только теперь оторвалась от конспектов и подняла голову:

– Невербальные проклятия? Сомневаюсь, что уровень развития дикарей позволяет им применять подобные заклинания.

– Пф! – громко фыркнул веснушчатый. – Коли не веришь, пошли сами поглядим!

– Экзамен завтра. – Девушка с сомнением посмотрела на брата. – А Фред ещё и половины вопросов не подготовил.

– Да брось ты, я и без тетрадок этих всё знаю! – горячо заверил её юноша, подхватывая с травы полотняную сумку и ученический деревянный посох. – Не каждый день лесную нечисть на площади демонстрируют. Это тебе не картинки в книжке, а живое пособие. Практика в натуре, как выразился бы Сморчок. Идём!

Лиза вздохнула и после некоторых колебаний всё-таки заложила конспекты закладкой, неторопливо поднялась на ноги. Предчувствие опасности лёгкой дрожью скользнуло по спине и отдалось прохладой в пальцах: брат был впечатлителен и не в меру скор в принятии решений, а потому отпускать его смотреть на жертву инквизиторских ищек, пару недель как обосновавшихся в Фоллинге, ей не хотелось. Не говоря уже о том, что родители строго-настроено запретили лишний раз показываться на глаза людям из Ордена. Как будто не знали, что запретить что-либо Фреду – это всё равно что плеснуть горячего масла на вечно тлеющие в нём угольки неподдельного любопытства. Сестра не сомневалась, что он и сейчас прекрасно помнил о предостережении отца.

Профессор Сморчок, что неудивительно, был здесь же, на площади перед часовой. Его длинный бугристый нос под синей университетской шапочкой то и дело мелькал среди столпившегося деревенского люда. Вскоре Сморчок вынырнул перед самыми лицами учеников и разочарованно затрясся:

– Эх, не удалось договориться, ребятки, никак не удалось! Непрошибаема головушка инспектора, я вам говорю! А что если бы нам такую практику, такое пособие, да на пару дней

в учебные классы, а? Пусть в клетке, пусть в оковах, но всё ж таки удивительной редкости экземпляр, чистойшая лесная кровь! А он мне: «Уймитесь, профессор, тварь крайне опасная!» А кому, скажите мне, милые друзья, нынче неопасные твари интересны для всестороннего изучения? Мы же на боевых магов вас готовим, государству служить, закону, а не бабочек с мухами через стёклышки разглядывать, эх, эх... Ну идите же, полюбуйтесь, пока эти варвары костёр не разложили.

Профессор исчез в толпе, только два или три раза Фред и его сестра вновь увидели всплывающую в различных местах потёртую шапочку. Лиза растерянно посмотрела на брата: пробиваться сквозь галдящий и жестикулирующий люд задача не для хрупкой девчонки семнадцати лет. Фред был выше её на полголовы и значительно крепче, хотя и родился полутора годами позднее, но главное – он никогда и ничего не боялся.

– А ну, дайте пройти будущим великим магам! – крикнул он, поднимая посох над головой, и простой народ нехотя потеснился и расступился, уступая дорогу юным мистикам.

Чистых, официальных магов в государстве теперь уважали, даже всего-навсего учеников специального класса поселковой школы. Маг, пусть только начинающий, ребёнок или подросток – будущий защитник границ, лекарь или зачарователь, сила, которая у соседних стран была в дефиците, а потому силу эту до поры оберегали, воспитывали, взращивали достойно. Прежде всего юным мистикам давалось начальное образование, для чего в каждом более-менее крупном селении имелось специальное мистическое отделение школы, управляемое профессором либо доцентом из Гильдии магов. В шестнадцать, плюс-минус год, это зависело от персональных способностей учеников, случались выпускные экзамены, после чего молодёжь отпускали в их последнее свободное лето, а уж потому выписывали направление в городскую высшую школу в одном из трёх крупных городов страны. Те, кому совсем уж повезёт, отправлялись в столичный магический Университет Сюр-Мао.

Завтра Лизе и Фреду предстояло держать экзамены в боевой магии, в искусстве магической защиты, а напоследок – в целительстве, которое более чем наполовину состояло из травологии и алхимии, поскольку настоящими лекарскими заклинаниями профессор Сморчок не владел.

– ...В результате проведённых допросных процедур от сего существа были получены признательные показания, на основании которых и вынесен приговор. Казнь будет приведена в исполнение завтра на рассвете перед утренней службой, дабы пришедшие посмотреть на торжество справедливости Церкви и Чистой магии смогли бы надлежащим образом очиститься в храме и получить благословение настоятеля.

– А как допрашивали, дикари ведь не говорят? – выкрикнул кто-то из толпы.

Инспектор, длинный и сухой, как жердь, обернулся в сторону вопрошавшего:

– Как вы можете видеть, существу перевязано ротовое отверстие для предотвращения возможности применения грязного колдовства. Посему эта дикарка не может продемонстрировать честному народу свои речевые способности, которые, однако, наличествуют в должной мере для осуществления допроса.

Толпа недовольно загудела. Вперёд пробилась растрёпанная раскрасневшаяся женщина в простом платье и заляпанном ситцевом фартуке:

– Господин хороший, так отчего же заразу прямо сегодня не спалить? А ну как она за вечер и за ночь на всю округу проклятие напустит?

Служитель Ордена Инквизиции покачал головой:

– Невозможно, уважаемая. Проклятие невозможно по причине обездвиживания существа, ввиду наличия кляпа в его, точнее её, зубах, а также вследствие действия Святого круга, который будет установлен с наступлением темноты.

– Да понятно всё. – Стоящий рядом с женщиной приземистый мужичок в штопаной холщовой рубашке плюнул в сторону столба. – Есть же которые не веруют в дикарей и прочую лесную дрянь, потому и привязали её тут, чтобы это, как его, народ праведный пришёл и, как его...

– Удостоверился, – подсказал кто-то сзади.

– Во, точно, – с готовностью кивнул мужик и снова сплюнул. – А я это, как его, уже поглядел и больше не хочу, значит.

Фред и Лиза подошли близко – насколько позволяла натянутая искателями цепь вокруг деревянного помоста. К наскоро отёсанному сосновому столбу была крепко привязана лесная эльфийка. Тонкая и жилистая, в одной лишь изодранной в клочья юбочке из мягкой коричневой кожи и короткой, в пятнах крови, измятой рубашке – местной, так как, по слухам, ведьмы по лесу бегают с голыми грудями, чтобы легче было заманить в западню какого-нибудь зазевавшегося дровосека или грибника. Лицо и руки дикарки украшали переплетающиеся тёмные татуировки, особенно устрашающе смотрелись они на её мертвенно-бледной коже здесь, под солнечным светом, среди бела дня. Кое-где красовались свежие синяки и ссадины, а вот ногтей видно не было, как и самих пальцев, поскольку запястья её стянуты были за спиной. Уши тоже не были во-о-от такими. Маленькие и заострённые, они лишь слегка выглядывали из волос. Лиза осторожно просунула руку под локоть брата, вцепилась в рукав ученической мантии похолодевшими пальцами.

– Ты... чуешь? – тихо прошептала она.

Фредерик медленно выдохнул и кивнул. В крови эльфийки магии было на десять профессоров-Сморчков. Дикой, сияющей, первозданной магии, не скованной обетами, законами и правильным магическим образованием. Чистой и бурной, как горный ручей, отравленной лишь страхом и невыносимой болью.

– Неужели они... не видят? – Рука Лизы чуть подрагивала от волнения.

– Видят, – еле слышно ответил ей брат. – Но она эльф. Двойная угроза.

Двойная! С потенциалом пойманной дикарки угроза была десятикратная, а следствие в первую очередь было склонно оценивать именно потенциал, а не добрые или злые намерения. Пленница шевельнулась, насколько позволяли стягивавшие её плечи путы, подняла небольшую голову с растрёпанными рыжеватыми волосами и посмотрела поочерёдно на обоих мистиков. Выбрала Лизу, чуть прищурилась. Тёмные глаза, обведённые тенями усталости, стали похожи на заострённые угольки.

– Фред! – вдруг дёрнулась девушка, отпрянув назад. – Пойдём, скорее... Пойдём отсюда!

Брат схватил сестру за руку и повлёк за собой, пробиваясь через гудящую толпу. Отовсюду слышались негодующие выкрики о том, что ведьму следует казнить сейчас же, распять, поджечь, облив маслом, что все, дескать, уже вполне убедились в её реальности и нечего зря пугать людей тварью. Кто-то предлагал набрать камней и перед сожжением как следует проучить проклятую дикарку, кто-то, напротив, желал увидеть её совершенно голой и убедиться в схожести женских признаков эльфийских и человеческих баб. Не будь эти признаки одинаковыми, то каким же, по-вашему, образом нечистые ведьмы соблазняют деревенских парней, чтобы после использовать их тела в грязных ритуалах? Кто-то даже сунулся было к помосту, желая немедленной расправы, но был остановлен приставленной рядом охраной. Четверо молодцев в золотящихся на солнце кольчугах и красных накидках лениво перекидывались односложными фразами и время от времени отгоняли уж слишком любопытных зевак. Их гордый и уверенный вид внушал народу доверие. Эльфячья ведьма, да. Нечисть, да. Ошивалась возле самого посёлка, верно, но уж можете быть спокойны, Орден со всей этой пакостью разберётся. А вы идите, мол, по домам.

Лиза бежала так быстро, что брат едва поспевал за ней. У самой клиники выдохлась, сбавила шаг, закашлялась. Фред беспокойно заглянул в её лицо, несмотря на бег отчаянно бледное, с синеватыми губами, сжатыми в тонкую полоску.

– Ну же, что? Лиза!

Она с трудом разлепила рот:

– Это не... невербальная магия. Не проклятия. Она телепатка. Дикари общаются телепатически! Поэтому и считается, будто они не знают разумную речь! Она говорила со мной.

– С тобой? – опешил Фред. – Но ведь это невозможно! Люди не способны к магии разума, если только у них не...

– Знаю, – перебила девушка. – Прошу тебя, умоляю, не говори никому!

– Что же она тебе сказала? – ещё больше заволновался брат.

За его спиной открылась дверь клиники, и на крыльце появилась ещё молодая светловолосая женщина в одеждах целительницы. Лиза испуганно ойкнула:

– О боги, мама вышла! Заклинаю тебя – ни слова!

Фред поспешно кивнул, и они направились к матери.

Глава 2

Согласно полувековым исследованиям специалистов Отдела магического контроля Университета Сюр-Мао, способность к некромантии, равно как и дар магии разума, в большинстве случаев носит наследственную природу. Случаи обращения взрослых квалифицированных магов к тёмной стороне искусства единичны, в то время как подавляющее большинство задержанных и преданных справедливому суду некромантов, теневых магов и телепатов являлось потомками и родителями таких же носителей проклятой крови. Своевременное выявление и уничтожение обладателей вышеупомянутых «талантов», а также их наследия в виде письменных источников и так называемых «конкрементов памяти» позволит со временем свести угрозу распространения учения о некромантии к минимуму. (Вольдемар Гвинта, Учебник для искателей первого года обучения)

Соня всплеснула руками, беспокойно разглядывая детей. Растрёпанные и запыхавшиеся отпрыски совсем не походили на завтрашних студентов. Наверняка бегали к часовне узнать, по какому поводу звонили в колокол, собирая народ, вместо того чтобы спокойно пообедать и садиться за уроки. Привычным движением женщина проверила цепочку на шее дочери и коснулась прохладного камня, скрытого тканью школьной мантии. Амулет был на месте, но вот лицо Лизы было блее больничных простыней, а под глазами уже обозначились сероватые тени. Хоть сейчас укладывай её в постель и отпаивай снадобьями, вот только не согласится ведь ни за что, упрямая! Сидит над книжками ночи напролёт, да и весь день бы сидела, если бы не шебутной братец. Только с ним Лизабет и готова была отрываться от учёбы, подружкам разлучить её с учебниками было не под силу, и они быстро махнули рукой на скучную «заучку».

Фред тоже выглядел не на шутку взволнованным – оно и понятно, на завтра назначен экзамен в присутствии комиссии от трёх магических академий страны, и сын надеялся попытаться счастья и оказаться среди выпускников в свои неполные шестнадцать. Соня невольно вздохнула: расстаться сразу с двумя старшими детьми она всё ещё не была готова. Представить, что уже не сможет каждый день любоваться серьёзной тихоней дочерью, целовать в лохматую каштановую макушку сына, заставляя прежде наклониться вымахавшего за последний год парня.

Целительница усадила детей за стол в маленькой больничной кухне, налила по чашке наваристого бульона, порезала хлеб и села, придерживая рукой большой живот. Если бы только ещё один мальчик родился, думала про себя Соня, точно зная, что чуда не случится. Снова будет доченька, четвёртая и, наверное, уже последняя. Должно быть, простым людям живётся куда интереснее: они вынуждены обращаться к лекарям или гадалкам, чтобы узнать пол будущего ребёнка, а любому магу изначально известно, кто появится на свет. Ну ничего, каждый раз с улыбкой успокаивала себя женщина, пусть девочка. Главное, что очень нескоро придётся её от себя отпускать, отрывать от беспокойного сердца. Как и младшеньких – шестилетнюю Молли и восьмилетнюю Элин.

– Там ведьму лесную схватили, жечь хотят, – не выдержал наконец Фредерик, орудуя ложкой в миске и закусывая хлебом.

Лиза, конечно же, вяло крошила свой ломоть и ждала, пока бульон совсем застынет. Мать сложила руки на животе и нахмурилась:

– Ты б лучше к Сморч... к господину Ильсену сходил, пока не поздно, да попросил его разъяснить охранные руны.

– Если хочешь знать, Сморчок на площадь прибежал ещё раньше нас, – парировал Фред, не улыбаясь.

Если сын не улыбался каждую минуту и не придумывал какие-нибудь новые шутки, это означало что-то очень нехорошее. Несмотря на огненный дар, взбалмошный характер и без-

удержное юношеское хвастовство, Фредерик взял от старшей сестры привычку прятать концы в воду, если дело оказывалось серьёзным. Когда брат и сестра сговаривались о чём-нибудь, разузнать об их секретах было не под силу не только мягкой и добросердечной Сонии, но и отцу, который умел быть суровым и добиваться своего ещё со времён службы в Солнечной страже. Именно благодаря репутации Эдвина и его решительной натуре инспектор Ордена Инквизиции не смел даже приближаться к дому, где жило семейство Сандбергов. Лишь однажды нужда привела эту мерзкую канцелярскую крысу к дверям клиники, где он, зеленея и заикаясь, попросил Сонию приготовить ему мазь от болей в спине.

Сония украдкой наблюдала за тем, как многозначительно переглядывались её дети, и думала, что в Академии, далеко от дома, крепкая дружба послужила бы Лизе и Фреду хорошим подспорьем. Если бы только это было возможным... Отец прав: ну как сейчас сказать дочери? Как накануне выпускного школьного экзамена объявить полной надежд девчонке, что никакой Академии или Университета в её жизни не случится? Что украдкой, по-тихому, приезжали сваты, и судьба её, и будущий муж уже ждут по ту сторону реки, в большом и просторном доме. Вот отпразднует выпускной в день Великого солнца, получит свой законный школьный диплом юного мистика, а уж потом уберёт его на дно сундука, под платья и расшитые узорами рубашки, чтобы никогда больше не доставать на свет. И с магией придётся распрощаться навсегда, а в Заречье, где магов не рождалось от начала времён, ей будет легче всё позабыть и смириться.

Женщина тайком прикусила губы изнутри. Лиза хотя и выросла молчаливой скромницей, но такую выходку родителям и за всю жизнь не простит, уже и теперь это ясно. Чувствует дочка свой дар, дурманит он ей кровь и разум, а потому не может она понять, что давать этому дару дорогу никак нельзя. Беда выйдет. Одно дело девчонкой бегать с заговорённым камнем на шее, и совсем другое – попасть в Академию, где каждый ученик под надзором магистров и профессоров. Да и люди из Ордена наведываются в аудитории с проверками: нет ли нарушений, запрещённых учебников, не просочился ли в преподавательский состав кто-нибудь из преданной забвению Гильдии призывателей теней в поисках новых адептов...

И надо же было случиться такому, что в тот самый год, когда у Лизы проснулся дар, Инквизиция представила народу своё новое изобретение – миралит. Сония даже задумываться боялась, из чего искатели научились извлекать этот материал, как готовили его в своей Железной крепости и на ком испытывали. Результат был прост: особый состав при ношении его в виде браслетов, ошейника или пояса на голом теле воздействовал на ту составляющую крови, что отвечала за магический дар. Творить заклинания становилось невозможным, и постепенно человек отвыкал от растворённой в крови силы и уже ничем не отличался от обычных граждан. Дело оставалось за малым – никогда не снимать с себя блокирующее дар устройство.

Среди Солнечных стражей водились слухи, что разработка антимагической субстанции и соединение её с заклинаниями магии крови поначалу не удавались: подопытные угасали на глазах, сходили с ума или даже умирали. Но спустя годы миралит научились очищать и зачаровывать так, что никто уже не мог пострадать. Он всё ещё стоил баснословных денег, и раздобыть его было ох как непросто, но Сония, лично примерившая браслеты, предназначенные дочери, убедилась: ни самочувствие, ни здоровье не пострадают. Как бы ни были жестоки методы Ордена Инквизиции, надо отдать людям Вольдемара Гвинты должное: они нашли способ нейтрализовать опасных магов вместо того, чтобы убивать их целыми семьями.

Дети доедали молча. Лиза вскочила, сполоснула в кадке посуду, вытерла полотенцем, только бы поскорее найти предлог вырваться из-под обеспокоенного материнского взгляда. Сомнений нет: девушка определённо чувствовала, что родители что-то замышляют, но её натура не позволяла ей начать расспросы первой. Фред пробурчал слова благодарности за обед и поплёлся вслед за сестрицей, вновь уколов Сонию своим насупленным видом. Ну, в самом деле, не могут же они знать, не могли же они услышать или догадаться. Нет!

Выпроводив сына и дочь и смахнув со стола крошки, женщина заглянула в палату. Укушенный ядовитым крестовиком мальчишка спал, собравшись в комочек. Бабка с воспалившимися коленками мирно дремала у окошка под цветами карминно-красной герани. Лёгкие занавески чуть шевелились от летнего ветерка. Со стороны часовни доносились выкрики и ругань. И тут Соню осенило: закопавшись в размышлениях о будущем детей, она и не подумала о смысле сказанных Фредом слов. На площадь притащили лесную ведьму и собираются сжечь! И это были не страшилки об Инквизиции, что любила полушёпотом рассказывать соседка, собрав вокруг себя толпу на базаре. Это происходило здесь, в Фоллинге, где люди редко встречались с кровавыми расправами или кострами.

– Ведьма лесная, – тихо сказала себе под нос Соня и покачала головой, догадываясь о причине задумчивости сына. – Так вот в чём дело!

Женщина прикрыла дверь в палату с больными и отряхнула руки о подол мантии, словно к ним прилипли невидимые крошки. Догадка встревожила её. Если детям взбредёт в голову какое-нибудь безумство, а исключать этой возможности было нельзя, то стоило поговорить с мужем заранее. Она вышла на крыльцо и стала ждать возвращения Эдвина.

Фред с огромным трудом сдерживался, чтобы не начать расспрашивать сестру уже по дороге домой. Он знал, что Лиза терпеть не может настойчивых и поспешных вопросов. Ей нужно обязательно дать время на размышление, в противном случае можно ничего не добиться. Не сговариваясь, брат и сестра забрались на свой ученический чердак – маленькую комнату под крышей, где можно было спрятаться от малышни и спокойно заниматься своими делами. Молли и трое соседских малолеток возились во дворе под присмотром восьмилетней Элин. Немой дядька Хрут, работник, методично колот дрова поодаль, у сарая.

Лиза уселась на низкую скамеечку, сцепила ледяные пальцы в замок, посмотрела на брата:

– Сейчас лопнешь от любопытства, вижу ведь!

– Угу, – промычал Фред, бросая сумку с учебниками на пол. Под ногами звякнули забытые со вчерашнего вечера чашки с остатками чая. – Не томи. Что она сказала?

– Я попробую описать. – Девушка напрягла кисти рук, приложив пальцы подушечками друг к другу, как всегда делала в попытке сконцентрироваться. – Понимаешь, это не обыкновенная речь, не как шёпот. Это, лучше всего будет сказать, образы. Страшно, очень страшно ей... их народ огня боится, держит его в узде, они даже огненную магию не практикуют.

– Ещё бы, они ведь эльфы! – воскликнул Фред. – Живут в лесах в глубоких норах, куда и солнце не проникает. А огонь – от солнца, от бога Ксяя, как им его не бояться! Когда была война, кто эльфам задницы их тощие надрал? Огненные маги и искатели! Не королевское войско трусливое, не гильдейские умники, а самые что ни на есть обыкновенные солдаты и пограничники, Солнечные стражи из Предела. Так что удивляться здесь нечему, страх огня у них в крови!

Когда он говорил, Лизе казалось, что искры так и сыплются из него во все стороны. Лучше всего брату давалась именно огненная стихия. Он расцепил её руки, повернул вниз ладонями и подставил свои – излучающие сильный поток энергии. Невидимое и чистое пламя дара. Она не отказалась, кивнула, отогрелась родным теплом и продолжила:

– Ещё сказала, что она охотница, преследовала косулю. Не заметила расставленной ловушки, потому как сильно увлеклась. И лук её там остался, в высокой траве: ловцы попросту не увидели лука, когда выпутывали её.

Девушка помрачнела и судорожно глотнула воздух. Образы, показанные лесной эльфийкой, мелькали в голове яркими, болезненными пятнами, и, с минуту поразмышляв, она сообщила почему.

– Ей солнце било в глаза, когда они... порвали на ней одежду. Хотели надругаться, но самый старший напугал их, что с ведьмами, какой бы красивой ни казалась, нельзя ни в коем случае. Мол, потом отсохнет всё, что ниже пояса, да и отвалится. Потому что на самом деле никакие они не красавицы, а жуткие твари с когтями и зубищами. А всё, что ты видишь, иллюзия. Связали и поволокли к инспектору. Там её... мучили...

Лиза остановилась, не в силах продолжать. Никакие слова не могли передать картинок, спроецированных в мозг дикаркой, слов попросту не доставало, слов было ничтожно мало, образов – много. Фред обнял её, украдкой напоил новой порцией магии.

– Хватит, понятно.

Сестра кивнула, перевела дух. Подняла голову и взглянула в серые глаза Фреда, такие же, как у неё, разве что не обведённые тонкой тёмной каймой по самому краю радужки.

– А теперь я должна спросить, а ты ответь честно. Поклянись своей силой, что скажешь правду и только правду.

Она выпустила из ладони сумрачную фиолетовую искорку. Он с готовностью кивнул и в ответ выпустил огненную, оранжевую:

– Клянусь своей силой и будущим дипломом мистика!

«Если он у тебя будет», – подумала про себя Лиза, но вслух задала вопрос, как требовал их собственный ритуал:

– Кого ты видел на помосте у часовни?

– Я видел, – Фред сдвинул тёмные брови и поморщился. – Эльфийскую девушку, которую называют смертельно опасной тварью и которую завтра на рассвете спалят, как старое чучело весной.

– При помощи очистительного божественного огня, – передразнила инспектора Лиза, копируя его пафосный тон.

Фредерик взволновался, его щеки вспыхнули:

– Она чистое создание. Чужое, но незлобное!

Сестра сложила руки на груди:

– Предлагаешь пойти и рассказать это инквизиторам и настоятелю? И всей этой неотёсанной деревенщине, которая спит и видит, как бы кого-нибудь на кол посадить или на костёр?

Юноша молчал. Невообразимо долго для своей огненной натуры. Потом тихо сказал:

– Лиза. Это не какое-то там привидение из подворотни. Там охрана из Ордена, они натасканы на тёмных магах. Там будет Святой круг. По всей площади. Они активируют его до наступления темноты.

– Главное только войти в круг, дальше никакой запрещённой магии. Слабость, сон, молчание. Стандартные целительские заклинания. Школьные. За это на костёр не сажают.

Он покачал головой, не поднимая глаз. Девушка пожала плечами:

– Как хочешь, Фред. Я рискну. Мне нужно кое-что в чём, как они там сегодня кричали, – удостовериться?.. Вот. Если я помогу ей, то она, возможно, поможет мне. Поможет понять, откуда во мне этот дар, это проклятие. Уж не оттого, что матушка говорит, будто я родилась на Севере и чуть не померла от холода во младенчестве.

– Ты неправильно поняла меня, сестрёнка, – прошептал Фред. – Я хочу пойти один. Во мне нет никакого тёмного дара, а значит, круг пропустит меня и так. Никто не забудёт тревогу. Дальше – только стандартные...

– Нет, ни в коем случае. Нет! Твоя энергия разве что как фонарь не светится, тебя издали почуют. Себя погубишь и всю семью. О родителях подумай.

– А ты подумала? – запальчиво возразил он.

– С позапрошлого года лишь об этом и думаю. Случись чего – всем только лучше будет. И маме, и отцу, и Молли, и Элин, и деду, и даже Хруту. Скорей бы уже выпускной и уехать

подальше, пока не разнюхали, не почуяли. В городах, говорят, столько всякого сброда, что никто магические следы не отслеживает.

– Кто почует-то? Сморчок вон первый бы побежал к инспектору, ему бы только нос свой засунуть в какое-нибудь дерьмецо, а потом лапки потирать, что из этого выйдет. И ничего, не замечает пока.

– Пока, – уточнила Лизабет. – Пока на мне этот амулет, о котором родители не желают разговаривать. Но ты ведь видел, что с ним происходит, когда я прикасаюсь к своей силе. Сейчас это только маленькие трещины, а назавтра он может рассыпаться в прах.

Девушка потянула за цепочку и вытащила оправленный в тонкое серебро дымчатый камень. Чернильная тень, что застыла в полупрозрачном кварце, с каждым днём становилась всё светлее, всё бледнее. Когда-то гладкий и отполированный, минерал покрылся теперь паутиной и крошился, как песчаник, если Лиза проводила по нему кончиком ногтя. Минуло уже почти два года с тех пор, как она разгадала назначение амулета, но никакие осторожные расспросы или робкие намёки не помогли ей узнать о происхождении вещицы. Она с детства помнила, что есть темы, которые родители не любят обсуждать, и одной из этих тем была их служба в северном городе Ольдене, на границе Предела. «Непростые были времена, непростые, огоньки вы мои», – только и промолвил старый дедушка, к которому Фред и Лиза попытались приставать с вопросами.

– Что если... – осторожно начал Фред. Неуверенность смотрелась на его лице непривычно. – Что если этот мёртвый, как его, кокон, требует гораздо больше сил, чем ты думаешь?

– Придётся опустошить наш тайник, – пожал плечами Лиза.

Ну конечно! Она собиралась использовать порошок для усиления заклинаний, украдкой отсыпанный из родительских закровов. Эдвин и Соня всегда держали в клинике запасы стаффлекса, изобретения Гильдии магов: он помогал целителям в особо сложных случаях и продлевал действие обезболивающих заклинаний и сна. О том, что волшебный порошок одинаково хорошо усиливает любое колдовство, первым разузнал Фред. Ему повезло, что в тот момент сестра оказалась рядом: юноша только чудом умудрился не поджечь стену соседского дома. Огненный шар разорвался над грядками с капустой и едва не изжарил жирного петуха, который прогуливался поблизости. К счастью, в тот раз обошлось без жертв, а в будущем юные мистики использовали порошок с большой осторожностью.

– Я тоже пойду, – заявил Фред таким тоном, что сразу было понятно: возражать бессмысленно. Но всё же, заметив волнение Лизы, мягко добавил: – Мы ведь давно договорились, что будем всё делать вместе.

Он раскрыл ладони и вызвал язычки пламени. Девушка посмотрела на пляшущий огонь и медленно накрыла его своими пальцами без страха обжечься. Пламя растаяло без следа, а на руках юноши заискрились звёздочки инея.

– Ладно, – еле слышно сказала она. – Вместе. Ещё одна тайна, за которую нам оторвут головы.

– Тайна останется тайной, Лиза, – торжественно произнёс Фред придуманную два года назад клятву. – Даю слово огненного мага.

Ритуал молодых волшебников требовал такого же ответа и от второй участницы заговора. Она была старшей и понимала, что должна была быть разумной, отговорить брата от намечающегося безумства. И в то же время Лиза чувствовала: одной ей не под силу то, что может получиться у них вдвоём. От страха и напряжения у неё замирало всё внутри, но всё же она натянуто улыбнулась и ответила на клятву, произнесла вслух слова, из-за которых можно было потерять всё на этом свете.

– Тайна останется тайной, Фред. Даю слово некроманта.

Глава 3

Наиболее распространённым среди некромантов способом укрывательства от правосудия является использование так называемых «мёртвых» сфер, или коконов. В отличие от иллюзионных заклинаний невидимости, которые имеют лишь визуальный эффект и легко нейтрализуются стандартными развеивающими формулами, «мёртвые» сферы делают невозможным обнаружение чародея даже при магическом скрининге местности. Защитное поле подобного рода может создаваться только магами, имеющими доступ к чужеродной (миру живых) сумрачной субстанции. Время существования «мёртвой» сферы сильно ограничено и напрямую зависит от потенциала применяющего её субъекта. (Вольдемар Гвинта, Учебник для искателей первого года обучения)

Краешек луны показался в узком просвете между задёрнутыми занавесками, когда Лизабет, не дыша, спустила ноги с кровати и беззвучно подкралась к окну. Она подготовилась заранее: легла спать в одежде, сложив в глубокие карманы школьного платья всё необходимое. Оставила незапертыми крючки на окне. Украдкой позаимствовала на кухне острый нож. Обе сестрёнки мирно спали. Молли обнимала своего любимого тряпичного медведя по имени Бу, Элин свернулась калачиком на краю постели, уступив больше половины места наглой полосатой Мурчалке.

Девушка тихо-тихо отодвинула занавеску и потянулась к медной ручке на оконной раме. Петли были предусмотрительно смазаны, но что-то скрипнуло всё равно. Кошка вскинула голову и встретилась взглядом с Лизой. Невидимо втянула ноздрями летний ночной воздух, пахнувший поздней сиренью и чубушником, зевнула, вытянула передние лапы и медленно легла снова. За ужином ей перепал внушительный кусок сочной курятины, украдкой брошенный под лавку добросердечной Элин, поэтому амбарные мыши Мурчалку не интересовали, по крайней мере, до рассвета.

Лиза осторожно спрыгнула в мягкую траву. Фред уже дожидался её под окном. В доме не было видно ни огонька: заснул даже старый дед, имевший обыкновение засиживаться за полночь над своими потрёпанными дневниками при свете магической лампы.

Кружным путём через огороды они вышли на дорогу, не осмеливаясь даже шептаться. Юноша держал руки в карманах и казался Лизе неестественно бледным в ночных сумерках. Более того, волнение брата в буквальном смысле сотрясало окружающий воздух. Он кусал губы и надеялся, что сестра не обратит на это внимания. Дорога в центр посёлка была пуста, по обе стороны от неё тянулись дворы, обнесённые изгородями, кусты и деревья, высокие заросли полыни и крапивы. Звонко пели цикады. Где-то очень далеко заухала сова, потом умолкла. Луна с откушенным боком висела над тёмной зубчатой каёмкой леса.

Они шли по обочине, держась поближе к плетням и спасительной черноте придорожных зарослей, пока не увидели распахнутый в ночь трактир «Толстая бочка». С этого места, с трактира и стоящей напротив общественной конюшни, начиналась центральная улица посёлка Фоллинге, и, чтобы миновать шумящее подобно осиному рою заведение, мистикам пришлось свернуть направо и пробираться тёмными задворками. Лиза, до этого момента решительно шагавшая вперёд, вдруг остановилась у очередного плетня.

– Фред, ты хотя бы соображаешь, что мы делаем? – Её голос дрожал.

– Конечно! – Стараясь говорить уверенно, он потрепал её по плечу. – Всего-то идём спасать девушку от очищающего огня инквизиции.

– Эльфы – наши враги. Да, мы не видели войны, мы живём в покое и сытости, но старики не забыли её. Все знают, что это не настоящий мир, а временное перемирие. Зализать раны. Набраться сил.

Девушка прислонилась к изгороди, размотала суровую верёвку, стягивающую небольшой мешочек. На полотняном квадратике тускло мерцали голубые кристаллы магического концентрата.

– К чему ты всё это говоришь? – Юноша засомневался, нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

Она не торопилась, как всегда. Как всегда, что-то прикидывала про себя, отсчитывая кристаллы. Двойную порцию.

– Мы дойдём до Липовой аллеи, и ты останешься ждать. В темноте, у школьного сада. Если всё получится, выведем её вниз к реке и проводим до Синей поляны. Если что-то пойдёт не так – просто беги домой.

– Бежать домой без тебя?! – шёпотом вскричал юный мистик. – Ты в своём уме?

Лиза осторожно слизнула кристаллы с пальцев, остаток замотала в платок и спрятала. Поморщилась и проглотила, не растворяя в сладком сиропе, как учил Сморок на занятиях по алхимии. Она рассчитывала, что таким образом действие усиливающего вещества наступит не сразу, ведь стаффлексу понадобится время на растворение в желудке. Фред представил, как должно быть сейчас отвратительно горько на языке сестры, и невольно передёрнулся.

– Я пойду с тобой, – решительно заявил он, толкая калитку в очередной огород.

– Не пойдёшь, – не оборачиваясь, ответила девушка.

– Но ты дала слово, что мы сделаем это вместе! Не как в прошлый раз, а на самом деле вместе!

Лиза увидела, как кровь прилила к голове брата, ударила в щёки, как весь он стал похож на светящийся в ночи энергетический сгусток. Её обострившееся чутьё волнами распространилось на все окружающие предметы. Тёплый движущийся комок под ногами – бегущая мышь, что-то скользкое под листом лопуха – вероятно, жаба, движение воды где-то внизу – подземный источник, чуть выше, почти у самой поверхности, – собака... мёртвая собака, похороненная на пригорке. «Надо будет прийти сюда потом...» Шальная, неправильная мысль, кольнувшая иголкой и тут же страх: нельзя, не смей. Узнают – ты будешь там, у столба, как...

– Ты фонишь, как факел, – сообщила она Фреду, когда они оказались перед тёмным шелестящим проходом со старыми цветущими липами по обе стороны. – Искатели это почувют.

– Лиз, ну пожалуйста! Ты ведь старше всего на полтора года, а ведёшь себя так, будто на двадцать пять! Думаешь, если эта лесная ведьма заговорила с тобой, значит, ты главнее? Я тоже хочу её спасти! И вообще, разве не парни должны спасать попавших в беду эльфиек?

Понятное дело: сказок начитался. В подполе старый дед сохранил кое-какие запрещённые книжки. С тех времён, когда эльфы ещё не считались проклятой нечистью. Девушка порывисто обняла брата и тут же отступила.

– Знаешь, мне кажется, родители догадываются обо мне. Этого не утаишь. – Горло у неё перехватило, слёзы сами собой подступили к глазам. – Всё время шепчутся, отводят глаза. Наверное, думают, как же так, ведь официальные честные лекари, а в собственной дочери проворонили такую дрянь.

Конечно, она знала, что дар некроманта – никакая не болезнь. И родители-лекари ни в чём не виноваты. Легче от этого не становилось, только всё тяжелее с каждым днём. Сколько ни пыталась Лиза найти объяснение своим необычным способностям, сколько ни просиживала над книгами в школьной библиотеке и на своём чердаке, ответа не находилось. Нигде не встречалось ей заметки о том, что существует хотя бы призрачный шанс на рождение тёмного ребёнка в семье чистых, прошедших сертификацию в Академии волшебников. Не было подобных случаев зафиксировано в истории, гласили потрёпанные временем фолианты. Но Лиза всё ещё не теряла надежду, зная, что книги, собранные в Фоллинге, это лишь крохотная доля всех существующих на свете книг. Ведь поначалу она и подтверждений своему дару никак не могла отыскать, пока ей в руки не попал учебник для искателей великого инквизитора Гвинты. И

заклинаний школы некромантии она не знала, пока из того самого учебника не выпал сложенный вдвое листочек-шпаргалка, забытый когда-то нерадивым студентом-искателем.

Может быть, в отчаянии размышляла девушка, среди людей тоже случаются ошибки – одна на тысячу, одна на сто тысяч. Лиза читала, что иногда у животных и птиц появляются на свет особые малыши – совершенно белые, с красными глазами и тонкой кожей. Почти все такие зверьки и птенцы быстро погибают, становясь добычей хищников или отвергнутые своими же сородичами. Что, если и в семьях светлых волшебников иногда рождаются дети с тёмным даром, о которых по понятным причинам никто не знает? Как найти ответ?..

– Лиз, ну не плачь. – Фред шмыгнул носом, протянул к ней руку.

– Я так хочу попытаться сделать что-то важное, пока... пока ещё жива. Спасти чью-то жизнь, например. Хотя бы одну, но спасти. Чтобы всё не зря, понимаешь? Наши мама и папа спасли много жизней, они бы поняли и со временем простили такой поступок. Прошу тебя, подожди меня у сада. Этим ты поможешь делу гораздо больше.

Юноша вытер глаза рукавом и кивнул. Далеко впереди, в конце улицы, где начиналась площадь, сиял в ночи Святой круг – охранное заклинание, призванное запереть внутри источник злых чар. И столб с измученной хрупкой девушкой, на казнь которой на рассвете явится смотреть весь посёлок. Её сожгут только потому, что ей не повезло родиться дикой эльфийкой в зелёной моховой норке, вкусно пахнущей опавшими листьями. За то, что по неосторожности попала на глаза людям, законным владельцам этих земель.

Близко к кругу подходить было нельзя, поэтому девушка занялась заклинанием под искорёженным старым деревом, почти на ощупь. Мёртвый кокон. Единственный способ преодолеть охранный церковный круг – перестать излучать энергию своего дара. Прервать магическое взаимодействие со всем окружающим, призвав на помощь непроницаемую тeneвую вуаль. Лиза чертила заострённой куриной костью круг вокруг себя. Найти кость в яме с отходами оказалось гораздо легче, чем стащить со стола. Настоящие некроманты использовали для этого кости людей и эльфов, причём чем могущественнее был при жизни обладатель кости, тем крепче выходила тeneвая сфера. Руки предательски дрожали, по виску бежала мерзкая струйка холодного пота. Сердце под действием кристаллов стаффлекса билось дробно и мелко, не давая сосредоточиться. Готово. Она выпрямилась, нащупала в кармане рукоятку кухонного ножа – резать путы ведьме. На Фреда не оглянулась, и без того было до ужаса страшно.

Вышла на площадь и направилась к помосту. Святой круг сиял – изящные символы, сложенные в заклинание, если читать их по порядку, повторяющиеся много раз. Золотые пламенеющие узоры там, где днём была лишь утоптанная пыль. Шаг, другой. Было очень холодно, хотя Лиза помнила: снаружи, за мёртвой сферой, этим непроницаемым энергетическим коконом, стояла тёплая летняя ночь. Тихо выдохнув, она вступила в круг. Сработало! Святые символы даже не дрогнули. Ночная охрана, двое солдат из Ордена, сидели на краю помоста и вяло передвигали костяшки по раскладной дощечке. Над ними в держателе был закреплён коптящий промасленный факел.

Эльфийка не двигалась. На границе ночи и рыжего факельного света она выглядела причудливым насекомым, приколотым к дощечке натуралиста. Руки заломлены за спину, худые плечи, бледные тонкие ноги. Лиза не чувствовала ничего похожего на то, что было днём. Горячие ауры молодых стражников, волны боли, исходящие от истерзанной девушки, жар огня – всё было скрыто от её восприятия тёмным заклинанием. Запрещённым. За однократное применение которого грозили немедленный суд, заключение и казнь.

Она подошла к играющим стражникам сзади, неслышно. Вскинула руки, как делал отец перед особо болезненной процедурой над пациентами в клинике. Произнесла формулу и погрузила охрану в глубокий бесчувственный сон. Их тела глухо, одно за другим, откинулись на доски помоста. Эльфийка открыла глаза, тихо застонала. Её рот был заткнут скомканной тряпкой и туго перевязан. Лиза бросилась к ней, поспешно оглядываясь по сторонам. Площадь

была пуста. Святой круг равномерно сиял, источая в ночь жёлтый маслянистый свет, а за ним... За ним что-то извивалось, мелькало, двигалось, будто по всей окружности собирались дрожащие силуэты теней. Зазубренный нож выпал из оцепеневших рук, которые перестали что-либо чувствовать, в голову сзади как будто ударила огненная стрела.

Лиза упала на колени в попытке нашарить своё нехитрое орудие, понимая, что это – всё, конец. Её заметили и уже, вероятно, обезвредили связывающим заклятием. Сияние всё выше, выше, круг сжимается и сейчас затянется на её шее, сломав хрупкий и неправильно наложенный кокон. Её кровь, несущая в себе невесть откуда взявшуюся тёмную силу, закипит и убьёт её, потому что святая магия создана древними против таких, как она.

Рука нащупала овальную рукоятку ножа, ухватилась за неё. Откуда-то вдруг взялись силы подняться. Воздух возле самых ушей электрически потрескивал. Лиза вдохнула и выдохнула. Она была ещё жива, и это казалось странным. И круг был на своём месте. И стражи крепко спали, раскинувшись на помосте. Она принялась пилить тугие просмолённые верёвки, которые удерживали лесную ведьму. Одна, две, три... где-то над головами, на крыше часовни, вскрикнула птица, сорвалась прочь, захлопав крыльями. Эльфийка дёрнулась, освобождая руки, но распухшие поломанные пальцы не слушались её.

– погоди, – прошептала Лиза и принялась за путы на ногах.

Минутой позднее выпрямилась, посмотрела в лицо пленницы. Та узнала её. Глаза, тёмно-зелёные, огромные, вспыхнули изумрудным сполохом, но телепатический сигнал не смог пробиться сквозь мёртвый кокон. Лиза срезала повязку, закрывающую рот, – у самого уха, чуть не прихватив густые рыжеватые локоны эльфийки. Вытянула из зубов пленницы кляп:

– Ни слова. Идти можешь?

Дикарка неуверенно кивнула. Слава богам, её ноги были целы и невредимы, если не считать нескольких синяков. Рванув назад, к спасительной тьме густо заросших переулков, беглянки едва успели затормозить перед линией круга. Лиза крепко держала уже приготовившуюся прыгать девушку.

– Нельзя, защита работает на нечисть в обе стороны! Внутри и наружу тоже. Нас схватят, мы не успеем убежать.

– На таких... – хрипло прошептала пленница, отчаянно вырываясь. – Как ты. Я не... не нечисть!

Пальцы Лизабет разжались, и эльфийка тонкой тенью перескочила границу, не потревожив охранного заклинания. Пробежала с десятков шагов и вдруг остановилась, оглянулась в последний раз. Юная некромантка по-прежнему стояла внутри Святого круга, у самого края, в её растрёпанных тёмных волосах сияли отсветы магического огня. Дикарка замерла, попятившись, услышав шорох справа. Из кустов выскочил молодой парень и бросился к площади.

– Лиза, выходи скорее! По главной улице ещё искатели идут, они уже близко!

– Я не могу, Фред, – прошептала она, неотрывно глядя на брата. – Заклинание слетело.

– Что?! – в ужасе почти крикнул он, мотая головой.

Она прерывисто вздохнула, с трудом проглатывая сжавший горло спазм:

– Время истекло.

Глава 4

Как правило, любой маг, обнаруживающий в себе дополнительную способность, стремится развивать и совершенствовать её, углубляется в поиски подходящей литературы и старается найти себе подобных старших индивидов на роль духовных наставников. Некроманты и теневые маги особенно упорны в достижении этих целей. Создаётся впечатление, что тёмный дар полностью подчиняет себе развивающуюся личность, лишая её даже чувства самосохранения. Абсолютное большинство пойманных и допрошенных тёмных магов находилось на этапе инициации – в момент, когда заключённая в крови сила требует немедленного применения на практике. Выследить начинающего некроманта во время его первых опытов не составляет большого труда, однако следует помнить о том, что юные носители проклятой крови могут иметь неконтролируемую связь с сумрачным планом, а также обладают способностью к интуитивным заклинаниям, не имеющим закреплённых формул. (Вольдемар Гвинта, Учебник для искателей первого года обучения)

Сквозь растянутое по площади сияние Лиза видела только взволнованное лицо брата и клубящуюся тьму. Она не замечала ни огоньков факелов, ни отблесков золотистых доспехов искателей, что приближались к часовне по главной улице. Фред бросил быстрый взгляд за спину сестры на помост и с ужасом заметил, что один из усыпленных охранников уже сел и теперь яростно трёт слипшиеся веки. Второй тяжело перевернулся со спины на бок и, похоже, тоже начинал осознавать, что находится на службе, а не в уютной кровати под боком у жёнушки.

– Скорее, Фред, бегите! Бегите отсюда! – Лиза отчаянно махнула рукой.

– Лиз. – Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Носок его ботинка был в сантиметре от горящего святым огнём символа. – Ты забыла, что мы дали клятву? Вместе!

С этими словами он схватил её за руку и выдернул из Святого круга. Взметнулось сияющее, огромное жёлтое пламя – вверх, до самых макушек деревьев, раздался оглушительный звон, словно по всем колоколам часовни разом ударили железными молотами. Звук был такой силы, что в первую секунду брат и сестра повалились на землю, зажав уши. Звук пульсировал не только в голове, казалось, он был призван полностью отнять способность к действиям и вывернуть наизнанку желудки всем, кто оказался поблизости. Фред дотащил сестру до ближайших зарослей и упал на колени, согнувшись пополам. Сквозь непрекращающийся гул потревоженной границы круга он уже слышал крики тревоги, громкие команды, топот окованных сапог и лязг металла.

– Вставай, сейчас же вставай! – Юноша потряс за плечи бледную как смерть девушку. – Лиза, надо бежать отсюда, немедленно! Ты слышишь? Ты меня слышишь?!

Ещё миг – и она потеряет сознание. Нет, не так. Она перестанет существовать. Вслед за разлетевшейся, как хрустальный бокал, защитой лопнет и её собственная оболочка, кровь хлынет на колени брата и в траву. Всё, чего Лизе хотелось сейчас, – вырваться из рук Фреда и отползти подальше, чтобы он не видел, как это произойдёт. Святая магия круга словно заморозила кровь в жилах юной некромантки, а теперь вместе с волнами невыносимого звука заставляла её раз за разом вскипать. Единственное, на что девушка была способна, это сдерживать рвущийся наружу крик, чтобы не выдать присутствие брата. Скрюченные судорогой пальцы по привычке нащупали амулет на шее, сдавили его изо всех сил. Дымчатый прохладный камень всегда успокаивал Лизу и даже помогал заснуть, когда тревожные мысли выматывали её бессонными ночами. Вот и сейчас стало легче.

Удар сердца – и уже не так больно, ещё удар – и вот уже слышен умоляющий шёпот Фреда, уже чувствуется жар его дыхания на затылке, ещё, ещё – и можно вдохнуть. Лиза закашлялась

в рукав платья и почувствовала, как амулет в её сжатом кулаке превращается в холодную пыль и утекает сквозь пальцы.

– Нет, не может быть... – прошептала она.

– Скорее, поднимайся. – Руки брата крепко ухватили её за талию, поставили на ноги, потянули за собой.

Ноги не слушались её, в конце концов Фреду пришлось взвалить сестру на плечо и почти что тащить волоком. Кровь больше не взрывалась в её голове, оглушительный звон утихал, отдалялся, но Лиза чувствовала, как вместе со сломанным амулетом от неё уходит что-то жизненно важное. Будто какая-то часть души оставляет её тело неумолимо и быстро. А взамен камешка с заключённым внутри облачком тени около груди образуется зияющая пустота. И это казалось важнее побега, важнее всего на свете. Путешествие через колючие кусты, рвущие одежду в клочья, показалось ей целой вечностью. Наконец они остановились, и брат взял её лицо в свои ладони, заглянул в глаза:

– Они везде. Ты должна сотворить невидимость. Делай свой кокон или мы пропали, Лиза!

В ладонь остро кольнула знакомая косточка, и Лиза пришла в себя, очнулась от нахлынувшего мрака. Кинулась на землю чертить круг. Фред помогал ей – удерживал всё ещё дрожащую руку и даже вместе с сестрой шептал слова магической формулы. Их накрыло спасительной невидимостью в тот самый миг, когда тёмная маленькая тень оказалась рядом, склонилась над Лизой.

– Я... вижу, – тихо сказала дикарка и положила горящую болью ладонь на лоб девушки. Человеческие слова давались ей с трудом, словно требовалось вспоминать значение каждого из них. – Отравлена... синяя соль... колдовство...

Фред раздражённо кивнул. Никто не мог предусмотреть того факта, что двойная порция стаффлекса не только усилит дар Лизабет, но и обострит до предела взаимодействие со святой магией круга.

– Всё из-за тебя, – огрызнулся юноша в сторону пленницы искателей. – Убирайся, пока снова не поймали!

– Вместе, – с его интонацией повторила эльфийка, глядя некромантку по голове.

– Сейчас. – Хватая губами воздух, Лиза поднялась и сделала несколько шагов.

Промедление едва не стоило им жизни. Сквозь огненную стену на аллею выбежали двое солдат с мечами наголо и с ними – маг-искатель в белоснежной мантии, похожий на летящее привидение. Невидимость на время скрывала беглецов от сканирующей магии, но, судя по белым одеждам, в погоню за дикаркой и тем, кто посмел её освободить, сорвался сам командир отряда, дежуривший этой ночью в первом этаже часовни. А у командиров в распоряжении имелись и особые устройства для распознавания следов применения тёмной магии – и эти хрупкие приборы были куда опаснее поисковых заклинаний.

Мистики бежали изо всех сил, а облако невидимости, окружавшее их, таяло и таяло с каждой секундой. Эльфийка, несмотря на слабость и увечья, двигалась гораздо проворнее людей. Улица, поворот, другая, тесные переулки, заросшие плющом и диким виноградом, заставленные тележками, ящиками и корзинами. Мелькающие впереди тёплыми квадратами окна трактира.

Искатель остановился, ударил оземь коротким узорчатым посохом, отчего по дорожной пыли пошла рябь. Стремительно, быстро, подобно кругам на воде, мистические искрящие волны разлетелись на десять, двадцать, пятьдесят, сто шагов вокруг. Беглецы не оглядывались, они так и не узнали, что последняя волна заклинания прошла на расстоянии полушага от их спин и мелькающих пяток в тот самый момент, когда действие мёртвого кокона закончилось. Преследователи развернулись и удалились в противоположную сторону.

Синяя поляна. Хруст сочной горькой травы и запутавшихся в ней голубых и белых колокольчиков. В тусклом свете луны блестела дорожка из выпавшей росы. Всё стихло, на спящей

поляне слышалось только тяжёлое надрывное дыхание трёх беглецов. Лиза осела на землю, принялась судорожно рыться в карманах школьного платья. Вытащила крошечный пузырёк, зубами выдернула пробку, выплюнула в траву. Хотела поднести зелье к губам, но не успела – сознание оставило её. Фред кинулся к сестре, схватил за плечи. Дикарка стояла рядом. Высокая трава доходила до кончиков её ушей.

– Отрава, – снова прошептала она.

– Сам знаю! – рявкнул юноша, силясь отыскать в карманах платья ещё один пузырёк.

Первый безнадёжно затерялся в темноте. Второго не было, должно быть, Лиза не рассчитывала, что он может понадобится, или попросту истратила все восстанавливающие силы зелья на подготовку к экзаменам. Фред стащил куртку, скомкал и осторожно положил под голову сестры. Засучил рукава:

– Ладно, Лиз. Попробуем...

Сияющий целительный свет окутал его ладони, но, стоило поднести их к бесчувственной некромантке, как он побледнел и угас. Юноша припал к её груди, выслушивая пульс. Эльфийка присела тут же, склонила кудрявую головку:

– Живая, – и потрогала щёку девушки тыльной стороной руки.

– Не трогай её. – Фред отпихнул лесную бестию, напрочь позабыв, что она ранена.

Дикарка отскочила, удержавшись на ногах, осталась поодаль. Он активировал лечащее заклинание снова, потом ещё раз и ещё, но ничего не выходило – энергия просто рассеивалась в окружающую тьму, словно Лиза до сих пор была окружена непроницаемым коконом. Фред поднялся на ноги, прошёлся туда-сюда, сминая высоченные стебли полыни и кусая согнутые в кулак пальцы. Затем вернулся к сестре, примерился и выпустил в неё тончайшую искрящуюся молнию. Тело Лизы вздрогнуло от разряда, и она очнулась.

Над головой раскинулось бескрайнее небо, белый с серебром глаз луны был похож на неровную дырку в бархатном, усыпанном точками звёзд покрывале. Девушка сидела, обхватив руками пульсирующую болью голову. Эльфийка пыталась что-то отцепить от своего пояса, шипя от негодования. В конце концов в её ладони сверкнула странная треугольная вещица. Дикарка протянула её Лизе:

– Возьми... надо прятать. Людям не нравится.

– Что это? – удивилась девушка.

– Тебе, – подтверждающе кивнула эльфийка. – Прощай.

Значок был похож на сплетённый и спаянный из медных проволочек трилистник. Он казался Лизе странно знакомым, будто когда-то очень давно, совсем в глубоком детстве, она видела такой же у кого-то. У мамы. Да, у мамы в маленькой костяной шкатулке. В центре трилистника тогда ещё была прозрачная розовая бусина. Кажется. Если всё это вообще было. Лиза потрясла головой: реальность непостижимо двоилась, будто бы она минуту назад видела себя лежащей без чувств, а потом – бежала к дому, где горят все огни, даже во дворе, где мать с отцом ищут их с Фредом, зовут.

– Зачем дарить безделушку, которую всё равно придётся прятать от людей? – возмутился Фредерик. – Можешь просто возвращаться в свой лес, нам не нужны подарки.

Тёмно-изумрудные, почти чёрные сейчас глаза дикарки остановились на его лице. Она сделала пару шагов, подняла голову и неожиданно чисто произнесла:

– Тебе тоже будет награда. Потом.

Готовый тут же возразить, Фред вдруг странно примолк и смутился. Должно быть, ему только померещилось в голосе спасённой девушки тщательно завуалированное обещание чего-то не совсем обычного. Мысли начали путаться, а кровь прилила к щекам.

Эльфийка тихо попятилась, в последний раз прикоснулась к Лизе – щекой к её худенькому плечу, развернулась и исчезла в высокой траве.

– Фред. – Лиза посмотрела на чуть колышущиеся стебли. – Мы это сделали. Представляешь? Ты представляешь, что будет завтра на рассвете?

Он обернулся с кривой улыбкой:

– Да. Экзамен. А ты едва стоишь на ногах. Я пытался лечить...

– Лечить? – воскликнула Лиза. – Нет, это бесполезно. После этого заклинания на несколько часов остаются следы, делающие исцеление невозможным.

– Замечательно, – хмуро сказал юноша. – Только этого и не хватало, чтобы обо всём узнал отец. Остаточных излучений этой тёмной дряни.

Они шли по тропинке в сторону домов, что выстроились в ряд и были окружены пышными яблоневыми и грушевыми садами. Где-то далеко брехал сторожевой пёс. Снова трещали неугомонные насекомые, и над низинами собирались облачка предутреннего тумана. Дом Сандбергов спал. Никто не бегал по двору с зажжённым фонарём, не кричал и не паниковал.

Лиза бессильно привалилась к стене дома. Фред погладил её по руке:

– Мы это сделали. Значит, всё было не зря.

– Что она имела в виду, когда пообещала тебе награду? – тихо спросила девушка.

– Понятия не имею, – прошептал юноша со странным чувством, будто всё прекрасно понимает и сейчас лишь из смущения не желает рассказывать об этом сестре. Впрочем, он тут же увёл разговор в сторону, понадеявшись, что Лиза ничего не заметит: – Завтра на рассвете все эти люди, которые кричали про отравленные колодцы, умерших зимой младенцев и больных коров, придут на площадь и устроят разборки инспектору Ордена. Эта мысль согревает меня жарче любой другой награды. Ему придётся вертеться перед толпой, как на сковородке!

– Очень надеюсь, что ему достанется... в том числе и от его начальства, – вздохнула Лиза устало.

– Как ты думаешь, что означает эта её безделушка? – улыбнулся Фред, когда увидел, что сестра крутит между пальцев странный треугольник.

– Не знаю, Фред. Но я узнаю, обязательно узнаю. Только вряд ли эта штука поможет нам на завтрашнем экзамене, в ней нет никакой магии.

Брат внимательно посмотрел на Лизу:

– Тебе уже лучше?... Кажется, мы действительно сбили их со следа...

– Да, всё в порядке. Ну, почти. Пойдём в дом. Надо попытаться уснуть.

Глава 5

Опыт введения профилактических проверок среди учащихся магических классов и младших курсов академий с целью выявления предрасположенности к запрещённым искусствам дал прямо противоположный результат. Студенты и школьники начали проявлять повышенный интерес к магии призыва теней и некромантии, поэтому экзаменационные проверки были отменены спустя три года после введения. В настоящее время преподавателям и кураторам рекомендуется составление актов наблюдений и протоколов выявления нарушений среди учащихся с дальнейшей передачей сведений в Инспекцию Отдела магического контроля. (Вольдемар Гвинта, Учебник для искателей первого года обучения)

– Полевые цветы? – всплеснула руками председатель экзаменационной комиссии, мелкими шажками вкатываясь в классную комнату. – Как мило!

Она была невысокой круглой дамочкой средних лет, одетой в плотно сидящий костюм из коричневого шёлка. Волосы волшебницы были начёсаны, взбиты и сколоты на затылке, золотисто-красные, большие. Их венчала смешная заколка с длинными тонкими перьями какой-то птицы.

– Вот это луковица, – прошептал Фред, и все мистики захихикали, – даже перья зелёные!

– Вижу, все готовы к экзамену и пребывают в хорошем настроении? – Она повернулась к ученикам и кивнула, лучезарно улыбнувшись. Потом, продолжая любоваться свежими букетами, расставленными на учительском столе, бочком пробралась на своё место в самом центре.

Следом за гостьей в класс порывисто вошёл преподаватель магической защиты из Академии Трира. Этот остановился резко, цепким и хищным взглядом окинул аудиторию, уставился на нарядных школьников.

– Доброго утра, – сказал он скрипуче и весьма недобро. Хищные тёмные глаза блеснули из-под сдвинутых бровей, крючковатый нос уже что-то подозрительно вынюхивал. В его руке был окованный латунными полосками чемоданчик.

Лиза непроизвольно съёжилась изнутри: именно такими она и представляла себе настоящих искателей и инквизиторов, способных уличить в применении тёмной магии даже безвинное дитя, вдруг отказавшееся от карамели на палочке. Девушка потупила взгляд и принялась рассматривать блестящие носки своих новых башмаков. К груди она прижимала пухлую и растрёпанную тетрадь с конспектами, хотя, разумеется, воспользоваться записями во время экзамена не смогла бы: отвечать нужно было устно.

Мама настояла на том, чтобы заплести волосы в тугую косицу на затылке и перевязать яркой лентой, и это было непривычно. Без закрывающих щёки и шею густых волос Лиза ощущала себя почти раздетой. Новая накрахмаленная и безупречно выглаженная блузка с высоким воротничком стояла колом, а юбка, по городской моде открывающая ноги до половины икры, заставляла девушку чувствовать неловкость и постоянно одёргивать её на поясе вниз. Она привыкла к уютному и мягкому школьному платью с карманами и лёгкой ученической мантии, полы которой уже изрядно обтрепались от постоянного подметания улицы. К тому же на мантии был капюшон, тепло лежащий на плечах, а так... Она вздохнула. Если мечтаешь поступить в Университет или Академию, то пора перестать волноваться о такой ерунде. Фред толкнул её локтем:

– Говорят, в трирской Академии половина учителей – натуральные оборотни. Как думаешь, этот в кого перекидывается?

– Ты можешь помолчать? – одними губами ответила Лиза, укоризненно посмотрев на брата.

– Не могу, слишком волнуюсь, – сказал юноша.

– Надо было хоть раз прочитать конспект. Без теории ведь не допустят к практической части.

– А я сразу скажу, что я не теоретик, – заявил Фредерик и, щёлкнув пальцами, рассыпал во все стороны целый сноп искр.

– Прекрати, – тихо взвизгнула его соседка слева, поспешно отряхивая платье. – Выгонят же!

Пропуская вперёд третьего и последнего члена комиссии, сонного пожилого секретаря из Ордена Искателей, вошла взволнованная Ханна Бранд, директор школы, а за ней – профессор Сморчок в бессменной синей шапочке и выпуклых роговых очках. Профессор широко улыбнулся, помахал мгновенно притихшим ученикам и уселся у самого края стола, вытянув ноги в заношенных остроконечных туфлях.

Ханна вышла вперёд, встала к учительскому столу боком, пересчитала учеников хозяйским взглядом. Мистиков было семь человек – начиная с самого младшего, пятнадцатилетнего Фредерика, сына хозяина клиники, и заканчивая восемнадцатилетней Руттой, которая пыталась счастья на экзамене уже третий год подряд. Директриса быстро оглядела комнату и осталась довольна: дети постарались на славу. Чисто вымытые окна и столы, свежие занавески, ровными рядами – книги и свитки в шкафах, синяя скатерть на учительском столе и даже охапки полевых цветов в трёх расписных глиняных вазах. Она всегда немного нервничала в такие минуты, должно быть, потому, что слово директора на экзамене у магов было данью традиции – сама госпожа Бранд не обладала способностями и предпочитала держаться от волшебников на безопасном расстоянии. Её несказанно радовало наличие в школе университетского профессора, который охотно брал на себя все заботы о ребёнке, если у того обнаруживался волшебный дар.

Утреннее солнце било в решётчатые ставни полуприкрытых окон, снаружи орали воробы и нестерпимо пахло липовым цветом и дикими розами, что росли вдоль изгороди. Приветственной речи Лиза почти не услышала: она мысленно умоляла всех богов сделать так, чтобы её фамилия не прозвучала на экзамене первой. Отчего-то казалось, что страшный остроглазый магистр то и дело бросал взгляды в её сторону. Однажды он даже наклонился к похожей на луковицу даме и прошептал ей что-то на ухо, а та подняла голову и тоже посмотрела на неё, быстро и пристально.

– Что ж, – профессор указал рукой на Фреда и тут же поманил его узловатыми пальцами. – Начнём с самого смелого, верно?

– Ммм, – промычала луковичная председатель, склонив над документами пышную голову. – Фредерик Сандберг, верно? Идите сюда, в центр.

Среди мистиков раздался облегчённый шелест, и кто-то толкнул юношу в спину:

– Давай, давай, покажи им! – послышалось тихое хихиканье, смолкшее под строгим взглядом Ханны Бранд.

– Господин Ильсен, зачитайте характеристику, – попросила глава комиссии.

Сморчок склонил голову, прокашлялся:

– Собственно, в двух словах. Этот молодой человек оказался в классе для юных мистиков немногим раньше срока, а потому уже теперь, не достигши шестнадцати лет, имеет намерения поступать в высшую школу магии. Мы занимаемся уже четыре года, и смею заявить, за всё это время не было ни единого случая, чтобы Фредерик не справился бы с каким-либо заданием. Помимо уроков, продолжает практиковаться вне школы, со старшей сестрой, я позволяю им брать некоторые книги из моей библиотеки на дом.

Председатель что-то быстро записала, скрипнув большим пятнистым пером, смерила Фреда внимательным взглядом:

– Вы рассчитываете поступить в Академию Вестена?

Юноша отрицательно помотал головой. Несмотря на чистую рубаху, выглаженные брюки и новый замшевый жилет, вид паренька не внушал особого доверия: карман оттопыривается,

набитый неизвестно чем – не то шпиргалками, не то мальчишеской ерундой типа камней и рогаток, каштановые волосы давно не стрижены и завиваются неаккуратными кудряшками возле ушей, глаза вроде бы и серые, но ни малейшей серьёзности. Того и гляди примется дёргать одноклассниц за косы или выпустит на учительский стол жабу или мышь. Явно заводила среди местных деревенских хулиганов. Нет, только не Вестенская Академия, не хватало ещё проблем с поведением учеников. И так невесть какие слухи ходят об учреждении...

– Нет, – он обезоруживающе улыбнулся. – В Университет Сюр-Мао.

Луковица хмыкнула, отложила перо и откинулась на спинку стула:

– Смелая мечта, похвально. На какой же факультет, позвольте узнать?

– Боевой магии, госпожа магистр, – не моргнув глазом ответил Фред и нетерпеливо замялся. Во взгляде председательницы читались ирония и недоверие.

– И вам известно, какой конкурс установлен для претендентов в Сюр-Мао? – Женщина сложила руки на пышной груди, необычайно довольная тем, что ей удалось смутить хулигана.

– Нет, госпожа магистр. Но, полагаю, если существуют выпускники этого Университета, то существуют и студенты первого курса. Я думаю, что сумею поступить.

Она улыбнулась, сверля его глазами цвета горчицы:

– Для чего вам боевая магия, – скосив взгляд в документы, она тут же продолжила, – Фредерик Сандберг? Насколько мне известно, ваши родители лекари и держат клинику.

– Всё верно, – кивнул юноша. – А мне бы хотелось поступить на службу в Солнечную стражу. Защищать границы. Мой отец служил там в молодые годы.

Ну разумеется, конечно, кто бы мог усомниться! Какой мальчишка в пятнадцать не мечтает стать Солнечным стражем, вступить в легендарный орден пограничников, переломивших ход войны с эльфами и удерживающих мир уже несколько десятилетий. Когда-то в древности знаменитые стражи были горсткой скромных бойцов-бессеребренников, теперь же это настоящие рыцари в бело-красных одеждах и с лучшим оружием в стране. И даже Раскол в рядах стражей в тот год, когда был учреждён Орден Инквизиции, не сильно сказался на их репутации, скорее наоборот. Искателей-инквизиторов, выполнявших всю грязную работу по поиску и отлову тёмных магов, начали бояться, стражей – уважать и привечать больше прежнего. Впрочем, чего ещё ожидать от бестолковой толпы?.. А потому первое, что заявляет пацан, едва научившись пускать искры из пальцев или замораживать падающие с сарая капли воды, – это «буду стражем». Ребёнок, совсем ещё ребёнок, даже волосы кудрявятся по-детски!

– Берите билет. – Хищный магистр указал на разложенные по краю стола квадратные картонки. – И ступайте на место, готовиться.

– Тридцать минут, – скривив напомаженные морковным цветом губы, произнесла председатель.

Фред без колебаний взял карточку, прочитал вопросы и насупился. Прошёл на приготовленное место мимо сестры. На лице Лизы прямо-таки читалось укоризненное «ну, что я говорила?» Одно задание хуже другого! Сплошная пыльная теория без намёка на боевую магию. Он пристроил карточку с вопросами на пустом настольном пюпитре и теперь смотрел на неё, как на заклятого врага:

«Великие летописцы второй Магической войны.

Методы контроля защитных заклинаний.

Выбор материала для наложения исцеляющих чар».

Следующей вызвали Мелиту Тимо, высокую золотистую блондинку, дочь местного торговца. Она отделалась быстро, схватила со скатерти билет, прошелестела шёлковым праздничным платьем мимо мрачно кусающего перо Фреда. Затем перед комиссией предстал сын трактирщика – магической крови в нём была только четверть, но учился Стефан на удивление упорно, даже язвительный Сморчок к концу третьего года обучения перестал подтрунивать над мальчишкой и пытаться вернуть «разбавленного мага по бабушке» в общую школу к обыч-

ным ученикам. Вытащив билет, Стефан несказанно обрадовался и, приплясывая, показал его Фреду, после чего устроился за столом спереди:

– Глянь, как повезло! всю ночь именно это и разучивал!

Всю ночь... Фред услышал имя сестры и вскинулся. Лиза была бледнее привидения после их ночных приключений. Она бесшумно подошла, скромно поклонилась комиссии. Сморчок ободряюще улыбнулся ей, сдвинув на кончик неровного носа сверкающие в солнечных лучах очки:

– Лиза Сандберг, сестра Фредерика. Очень талантливая и усидчивая девушка. Только скромность не позволила ей держать экзамены в прошлом году, весь этот год мы проходили с ней материал сверх программы...

– Сестра? – уточнила председатель, без интереса взглянув на девушку и сделав новые пометки в своих записях. – Берите билет, идите, готовьтесь.

Лиза перевела дыхание и протянула руку к карточкам. Поймала острый, пронизывающий взгляд магистра из Трира. Мужчина смотрел на неё, не отрываясь, словно пытался пробиться сквозь черепную коробку и увидеть, что за мысли скрывает эта скромно одетая школьница. И не прикидывается ли обычной школьницей какое-нибудь гадкое и опасное создание, которое следует немедленно расколдовать и подвергнуть «всестороннему изучению». На узком лице магистра проступила тонкая улыбка:

– Чего же вы боитесь? Берите карточку.

– Да, господин магистр, – еле слышно ответила Лиза и коснулась билета с краю.

– Смелее. – Он показал ряд острых белых зубов.

Девушка решила, быстро завладела карточкой и поспешила в самый конец класса. В висках отчаянно стучало: если бы кто-то заметил на её лице следы применения стимулятора, то экзамен можно было бы считать проваленным. Выдерживать испытания полагалось без зелий, порошков и усилителей. Лиза слышала, что в академиях и Университете существуют специальные медики, обследующие учеников перед испытаниями, но здесь, в Фоллинге, экзамены проходили гораздо проще, а потому будущие студенты частенько прибегали к алхимическим уловкам и хитростям.

Она должна была готовиться, но никак не могла взять себя в руки: волнение и воспоминания заполняли всё её существо. Перед мысленным взором то вставали тёмные и влажные изумруды эльфийских глаз, вонзающиеся телепатической магией вглубь сознания, то пылал взорвавшейся до небес стеной Святой круг, то стучала в голове мысль о родителях – что если проснутся, бросятся разыскивать, узнают правду... Бедная мама! Бедные маленькие сестрёнки, дедушка... Чтобы защитить любимых, ей нужно быть далеко-далеко от них. Только так можно быть уверенной в том, что никто не заподозрит о её проклятии. О её даре.

Экзамен – единственный шанс поскорее уехать в город, в любой крупный город, где есть высшая школа или Университет. Лиза была уверена, что, добравшись до большой библиотеки с фолиантами различных учёных, обязательно сумеет найти способ избавиться от засевшей внутри дряни. Против тёмной магии разработано бесчисленное множество приёмов, не может такого быть, чтобы нельзя было как-то трансформировать эту энергию, заключить её в непроницаемый сосуд, передать какому-нибудь предмету и закопать глубоко-глубоко под землю. Придавить сверху гранитной плитой. Похоронить... Оставить внутри только сияющий чистый дар, какой излучали её родные, который теперь таял в ней, словно свечка, заменяясь чернильной тьмой и жгучей пустотой в сердце.

Экзамен – это не страшно, по сравнению с тем, что было ночью, по сравнению с тем, что дремлет внутри. Девушка увидела, что Фреда уже вызывают отвечать. Тридцать минут на подготовку – максимум. Это всего по десять минут на каждый из трёх вопросов. Она вздрогнула, заметив, что странный черноволосый магистр поднялся из-за стола и принялся расхаживать

взад-вперёд вдоль стены, что-то теребя в сухощавых руках. Его тёмная накидка развевалась за спиной, как крылья опасной птицы, высматривающей жертву.

Он видит её насквозь, он обязательно раскусит её на глазах у Сморчка и доброй, заботливой Ханны Бранд. У них будут неприятности. Что бывает учителям за укрывательство тёмного мага в стенах школы? Увольнение? Вызов к инспектору Ордена? Проверки? Тюрьма? «Но ведь они не знали, – успокаивала себя Лиза, разглаживая всё ещё пустой лист для подготовки ответов, – и не могли знать».

– Готовьтесь. – По парте, за которой сидела девушка, коротко и отрывисто постучали пальцы страшного гостя. Она вздрогнула. Как он успел так быстро пересечь классную комнату, залитую светом и солнечными зайчиками? – Осталось пятнадцать минут.

– Да, магистр.

Лиза взяла перо, обмакнула в чернила. Маг и не думал уходить, подцепил длинными пальцами её карточку, пробежал взглядом вопросы. Она чувствовала, как от напряжения сводит запястья, было невозможно заставить себя писать.

Фред что-то горячо доказывал даме-председателю, Сморчок, жестикулируя, встревал в разговор. Слова сливались в единый гул, неразборчиво проплывали мимо. Хищный магистр небрежно бросил билет обратно на стол, прошелестел в другую сторону – к отчаянно строчащей уже второй лист Мелите Тимо. Лиза снова обмакнула перо и аккуратно переписала на бумагу самый последний вопрос – единственный из вопросов, к ответу на который ей следовало основательно подготовиться:

«Запрещённые разновидности магического искусства».

Глава 6

В букетах на столе серебрились мелкие луговые колокольчики. Нежные, розоватые с жёлтым, дикие люпины тонко изгибали свои длинные соцветия. Белые с ярко-оранжевыми тычинками дифилеи уже высохли от росы и светились подобно маленьким волшебным глазкам. Лиза слышала, как на улице радостно гомонят сдавшие теоретическую часть одноклассники, до её ушей доносился залиvistый хохот девушек, который прерывался короткими репликами Фреда только для того, чтобы через момент взорваться с новой силой. Знакомые и друзья мистиков из общей школы – деревенские парни и девчонки – пришли полюбоваться на магическую практику, традиционно проводимую на широком школьном дворе. Уже расчерчено было песчаное поле, установлены соломенные и тряпичные чучела, приготовлен инвентарь.

– Продолжайте, – не отрываясь от просмотра классного журнала, сказала председатель комиссии.

Лиза явственно чувствовала, что не может заставить себя говорить, словно голосовые связки оказались парализованы заклинанием безмолвия. Секретарь из Ордена вдруг очнулся, потряс головой, как задремавший на насесте петух, уставился на ученицу полупрозрачными глазами. Чёрный магистр, до этого теребивший извлечённую из кармана курительную трубку, отложил её и нетерпеливо заглянул Лизе в лицо:

– Вы боитесь? Чего именно?

– Я... не знаю, – еле слышно прошептала она.

Она знала. Вся информация, которую она по крупинкам собирала, пересматривая дедушкину коллекцию книг, учебники и пособия для искателей, труды малоизвестных волшебников, что хранились на полках у Сморчка под слоями многолетней пыли, всё перемешалось у неё в голове со сведениями из официальной школьной программы. Для неё давно существовало только два вида заметок о тёмной магии – полезные и бесполезные, и хоть бы раз она задумалась над тем, какие из них общедоступны, а какие следует спрятать поглубже в сознание и ни за что не выдавать.

– От того, что вы перечислите названия запретных учений, в класс не явятся злые колдуны и не захватят вас в рабство, – сообщил мужчина.

Сморчок улыбнулся:

– Это ведь вопрос исключительно по вашей части, Лиза!

– Простите, но что вот это такое значит «по вашей части», будьте добры уточнить, господин Ильсен, – встрял проснувшийся секретарь.

Профессор нервно хихикнул и заёрзал на стуле:

– Имелось в виду лишь то, что Лизабет Сандберг прекрасно владеет этими знаниями и даже готовила по теме отдельный доклад этой весной.

– Вот как? – заинтересовался магистр. – Тогда, действительно, билет не должен вызвать каких-либо затруднений.

– К основным запрещённым направлениям магического искусства относятся магия разума, магия перемещения и магия призыва теней, частным случаем которой считается некромантия, – выдохнула Лиза и внезапно успокоилась.

Мир словно замедлился вокруг неё: крохотные пылинки кружились в солнечных лучах и медленно оседали на вычищенный и навощённый пол. Со стен улыбались потрескавшиеся лица учёных и магистров в потемневших, чуть припудренных остатками фальшивой позолоты рамах. Колыхались тронутые июньским сквозняком серые льняные шторы.

– К самой трудно распознаваемой магии относятся различные виды воздействия на разум. Такие заклинания не имеют остаточных специфических излучений и часто могут восприниматься жертвой как «что-то пришло в голову», «что-то вспомнилось», «давно хотел сде-

лать». Очарованные магией разума люди могут считать, что совершают некие действия под влиянием чувств – дружеских или любовных. – Девушка подняла глаза.

Все без исключения волшебники, восседающие за учительским столом, смотрели на неё. Председатель изогнула тонкую коричневую бровь, густо нарисованную косметической краской:

– Как же отличить магию от настоящих чувств?

– Это не всегда возможно, – сообщила Лиза. – Известны случаи, когда люди проживали под влиянием чар до конца своих дней.

– Вы хотите сказать, что распознавание данного вида воздействия не всегда доступно? – уточнила женщина.

– Я хочу сказать, что подвергшийся заклинаниям по изменению сознания человек не может здраво рассудить о том, что имело место воздействие. Если он влюблён, то будет защищать объект своего желания. Если совершил преступление, то будет пытаться замести следы точно так же, как делал бы это без какого-либо магического влияния...

– Похвально, – разлепил губы пушистый секретарь. Его голова напоминала наполовину облетевший белый одуванчик. – Каковы истоки этих знаний?

– Человечество позаимствовало магию разума у эльфийской цивилизации. В благородных семьях высших эльфов применение уловок с сознанием является чем-то вроде обязательных правил игры. Также эльфы использовали массовые поражающие сознание эффекты для того, чтобы захватить в рабство менее разумные расы.

– Очевидно, вы считаете менее разумной расой нашу собственную? – кисло улыбнулся сотрудник Ордена.

– Это научно доказанный факт – время жизни высших эльфов может достигать тысячи и более лет, что в сравнении с человеческой даёт их расе преимущество.

– В вас говорит только ваш юношеский, точнее, девичий максимализм и очарование эльфами из детских сказок, – заключил секретарь, усмехаясь.

– По какой причине под запрет попали перемещения? – довольно-таки бодро вклинилась председатель, крутя в руках потрёпанное перо.

– Первоначально это было сделано из-за опасности. Во времена второй Магической войны телепортацией начали пользоваться практически все волшебники, включая даже мистиков первой ступени обучения. Было много несчастных случаев из-за неправильных расчётов координат. После заключения перемирия данную школу магии отнесли к высшей и запретили для всех, кто не имеет сертификата магистра.

Чёрный магистр блеснул глазами:

– Вам известны принципы перемещения?

– Да, господин магистр, – кивнула девушка. – Перемещение возможно в места с чётко зафиксированными координатами. Для успешной телепортации мы должны знать положение точки в пространстве и времени. Чтобы зафиксировать точку, используют различные предметы, так называемые якоря, или артефакты перемещения, либо живые объекты, с которыми маг связан эмоционально.

– Что за учебник вы цитируете? – улыбнулся мужчина, потирая руки.

– Олаф Руланд, господин магистр. – Лиза тихо кивнула и замолчала.

– Полагаю, достаточно? – У секретаря уже заметно урчало в животе. – Знания, хотя и разбавлены некоторой детской восторженностью, а всё же таки имеются в достаточном объёме.

– Последний вопрос. – Магистр доверительно наклонился вперёд. – Лизабет, что вы можете сказать нам о некромантии как разновидности магии призыва?

– Только в этом аспекте? – Она вопросительно посмотрела на трирского гостя.

Тот блеснул зубами:

– Что вы имеете в виду?

– Некромантия не всегда связана с призывом, – пожалала плечами девушка. – Многие заклинания, которые были отнесены к этой школе магии, не используют знания или тела умерших существей.

– Как же, по-вашему, они работают? – Магистр едва заметно улыбнулся и довольно откинулся на стуле, скрипнув спинкой.

– За счёт энергии живых организмов, – почти прошептала Лиза.

– И без согласия этих самых живых организмов! – Секретарь Ордена покивал. – А вы знаете, почему некромантов так сложно выследить и поймать?

– Да. Они используют защитные сферы, которые экранируют их от внешнего мира. Так называемые мёртвые сферы. Или коконы. Во всяком случае, в учебнике они назывались именно так.

Она вспомнила рисунок: круг, раскинувший руки волшебник – костлявый и страшный, похожий на скелет в рваном тряпье. Говорят, чтобы стать некромантом, сперва нужно умереть. Тогда почему она – живая, тёплая девушка – способна обращаться к тёмной силе?..

– В каком учебнике? – Председатель вопросительно взглянула на притихшего Сморчка, перегнувшись через стол.

Профессор, прищурившись, посмотрел на Лизу:

– Должно быть, из домашней библиотеки... Откуда вы почерпнули эти сведения?

– Это учебник для искателей первого года обучения. Вольдемар Гвинта.

Перо застыло в воздухе над коричневым свитком. Бумага делала попытки свернуться в трубочку, и униженная кольцами рука председателя требовательно прижала её к столу.

– О! Мечтаете стать искательницей? – Ядовито-жёлтые глаза на миг доверительно и удивлённо заглянули в лицо девушки.

– Не знаю, я ещё не думала об этом. – Теперь Лиза была застигнута врасплох. Подобная мысль не явилась бы ей даже в страшном сне. Уверенность вдруг покинула её, голос совсем потух. – Для начала мне хотелось бы поступить в Университет или Академию.

– Что ж, должно быть, вы сумеете выдержать вступительные испытания. Если будете поменьше робеть и сомневаться. – Короткий росчерк скрипящего пера в свитке, и луковичная дама улыбнулась девушке очень приветливо.

Магистр едва заметно поклонился членам комиссии и, подхватив краешком рта узорчатый мундштук костяной трубки, посмотрел в сторону окна и обратился к Лизе:

– Прежде чем вы отправитесь на перерыв и подготовку к практической части, позвольте отнять у вас ещё пару минут.

– Слушаю вас, господин магистр. – Она последовала за ним к распахнутым в сад ставням и нагретому солнцем широкому подоконнику.

Он небрежно откинул длинные полы накидки и уселся по-студенчески, боком, согнув одну ногу в колене. Прищурился от яркого света и принялся бесцеремонно разглядывать Лизу.

– Вы совсем не похожи с вашим братом, Фредериком, – усмехнувшись, заявил он. – Как день и ночь.

Это было правдой. Старшие дети в семье Сандбергов являли собой две крайности: не в меру вспыльчивый, вечно взъерошенный, говорливый и смеющийся юноша и Лиза – осторожная, тихая, неразговорчивая девушка, аккуратная во всём, начиная от тетрадей и заканчивая общением со сверстниками. Единственное, что было у них похожего, это серые глубокие глаза, точно такие же, как у матери, да и то взгляд Лизы был темнее из-за чернильной каймы по самому краю радужки. Казалось, характеры детей отразились даже в их волосах: у Лизы были прямые и тёмные, гладко блестящие в косах пряди, у брата же солнце выбивало в шевелюре отцовскую рыжину, а ветер завивал непослушные кудри. Даже сейчас, едва расправившись с билетом и нападающей с вопросами председателем комиссии, Фред уже громко смеялся и шутил во дворе, окружённый одноклассниками и друзьями из общей школы, – гомон подрост-

ков был слышен в притихшем классе. Лиза приблизилась к окну и увидела заливающихся от смеха деревенских девчонок, пришедших посмотреть на экзамен Фредерика. Конечно, он был любимцем девушек и прекрасно об этом знал.

– Тоже поедете в столицу, пытаться счастья в Университете? – спросил магистр, выпуская облачко ароматного дыма.

– Мы поедем вместе с Фредом, – задумчиво глядя на улицу, кивнула она.

«Ты снова думаешь только о себе, ведь рядом с тобой он будет в опасности», – горько подумала она.

– А если бы я предложил вам место на первом курсе академии Трира, вы бы долго размышляли над таким предложением?

Он не шутил.

– Но ведь вы ещё не видели меня в деле, на практике, – робко возразила она.

Очень хотелось наклонить голову вперёд и спрятаться за тёмными шторами спадающих с обеих сторон волос. Косица крепко стягивала затылок. Накрахмаленный воротник натирал шею.

– Не видел, – согласился мужчина. Сейчас, сидящий на подоконнике и задумчиво пускающий колечки, он не показался Лизе хищным или страшным. – И всё же я делаю вам это предложение – безо всяких вступительных испытаний, поскольку формальные глупости волнуют меня менее всего. Подумайте об этом. Не сейчас. Сейчас ступайте, освежитесь земляничным чаем, съешьте что-нибудь. Разве ваша юная сущность не нуждается в немедленной подпитке горячей булочкой с джемом?

– Благодарю вас, но я не голодна. – Девушка поклонилась и решила больше не мешать странному волшебнику.

– Стафлекс нужно заедать кусочком сахара, тогда он не даёт таких печальных последствий, – тихо сказал он ей в спину. Лиза резко обернулась, взмахнув косой, но магистр приложил палец к губам. – Тс-с. Ступайте. Мы побеседуем после.

Она выбежала наружу. Её трясло от холода, в то время как на улице разгоралась полуденная июньская жара. Фредерик радостно помахал ей, и две незнакомые девушки, стоящие чуть поодаль, тут же принялись перешёптываться между собой.

– Это моя сестра, – быстро заявил юноша, обнимая Лизу за плечи. – Самая умная в Фоллинге волшебница, но, к сожалению, самая стеснительная!

– Немедленно прекрати! – попросила девушка, вырываясь и устраиваясь на траве рядом с другими мистиками.

Стефан выудил из холщовой сумки свёрток с огромными бутербродами и протянул один Лизе, сияя от радости:

– Мама сказала, тебя нужно подкармливать!

– Мама? – удивлённо откликнулась Мелита, поправляя золотистые кудряшки. – Строите планы породниться с чистокровными магами?

Сын трактирщика вспыхнул так, что зарделись даже веснушки на его носу:

– Вовсе нет, это просто угощение, от всей души!

Лиза смутилась, но, помня наставление магистра, бутерброд взяла и заставила себя поесть. Фред плюхнулся рядом. Справа от него, подобрав пышные юбки, уселась белокурая улыбающаяся Белла, считающая себя почти что невестой мистика. У неё были невероятно алые блестящие губки и большие васильковые глаза, отчего всё лицо казалось круглым, милым и немного глуповатым. Белла картинно закатила глаза и похлопала длинными ресницами:

– Представляю, какие заклинания ты им сейчас покажешь!

– Видишь вон те круги и линии на песке? – Фред указал рукой на площадку.

– Ага, – весело подтвердила Белла.

– Мы будем вставать в центр и демонстрировать скучнейшие базовые знания.

– Будет скучно? – разочарованно протянула девушка.

– Конечно! – Фред мельком взглянул на задумчиво жующую сестру. – Но потом, на празднике Великого солнца, мы покажем, что знаем на самом деле. Правда, Лиз?

Она не ответила, только вздохнула. Разумеется, братишка уже давно мечтал о празднике Солнца, о песнях и плясках у ночных костров, о загадках и шутках, вкуснейших угощениях и том, что неизменно следует бок о бок с такими гуляниями – сладких поцелуях и объятиях, что случаются за гранью света, в бархатной тени ночи. А потом, потом... и вот от этого захватывало дух даже у спокойной Лизы – они уедут в Академию. Совсем одни, как взрослые.

Но всё вышло иначе.

– Не может быть! – воскликнул Фредерик, когда зачитывающая результаты председатель добралась до его имени, последнего в списке, и объявила о том, что общая оценка за экзамен неудовлетворительная. – Я ответил на все вопросы и выдержал все испытания!

Профессор Сморчок успокаивающе похлопал его по плечу и покачал головой, украдкой вздохнув.

– Нет, молодой человек. – Луково-жёлтый взгляд ядовито пробуравил разгорячённого от возмущения юношу. – Недостаточно обладать способностью к магическим действиям и иметь начальные знания. Для поступления в высшую школу прежде всего необходимо хорошо владеть собой.

– Я владею собой! – крикнул он, едва сдерживаясь, чтобы не топтать ногами.

– Увы – нет. Все заклинания из разделов боевой, защитной и целительной магии были, прямо скажем, на грани ваших возможностей. Контроль! Пока вы не начнёте уделять достаточно внимания самоконтролю, путь в высшие учебные заведения для вас закрыт! Вам всего пятнадцать, и у вас есть время поработать над этим упущением. Пару лет.

– Что?! Пару лет? – Фред чуть было не бросился к столу. В последний момент перед рывком на его руке повисла Лиза.

– Никак не меньше! – Женщина свернула свиток в упругую трубочку. – Оглашение результатов окончено. Поздравляю всех успешно выдержавших экзамен.

– Пожалуйста, помолчи, – Лиза поспешно прикрыла рукой рот брату и умоляюще шептала ему на ухо. – Ей ведь хватит ума написать ещё какую-нибудь гадость в твоём личном деле. Успокойся!

С другой стороны на его локте висел профессор Сморчок:

– Ничего-ничего, мы найдём какое-нибудь средство, и уж в следующем году обязательно...

Очень довольная собой, председатель комиссии собрала документы в шитую серебром толстую папку и, задрвав подбородок и поджав морковные губы, демонстративно удалилась. Зелёное перо в её причёске прощальными взмахами сопровождало каждый её шаг.

– Она оставила меня на второй год! Меня! Да я знаю больше, чем она сама, рыжая тухлая луковичная рожка! – Фред бессильно опустил на стул и спрятал лицо в ладонях. – Что я скажу отцу с матерью?

– Скажем всё как было! – Лиза гладила его по растрёпанной макушке. – Ты просто устал, а потому тебе сложно было держать всё в рамках этих нарисованных линий.

– Их рисуют для идиотов! Для тех протокольных магов, что сидят в какой-нибудь администрации и в глаза не видели настоящего боя! – Он застонал. – Что я скажу им всем? Всем ребятам, девчонкам?..

– Вот девчонки-то обрадуются, что ты останешься ещё на год, – осторожно улыбнулась сестра.

– Я не собираюсь становиться фокусником и развлекать деревенских дурочек, мне нужно в Университет!

– Всеми своё время, юноша. – К ним подошёл магистр из Трира и знаком велел Лизе отойти в сторонку. Вокруг Фреда принялся хлопотать Сморок.

Магистр подал Лизе вчетверо сложенную бумагу:

– Здесь информация о том, как добраться до Академии и найти меня. Способ не совсем привычный, но это необходимая мера для всех наших студентов. Путешествовать в Трир по обычным дорогам довольно опасно, поэтому действуйте по инструкции.

Лиза взяла записку из сухих цепких пальцев, но развернуть её сразу же не решилась. Мужчина не отрывал от неё пристального взгляда тёмных глаз:

– Конечно, это не Университет, но если вы хоть раз увидите условия, в которых вам предстоит обучаться, то не захотите больше никуда уезжать. Это я могу обещать.

– Что за условия? – вопросительно посмотрела она.

– Край света, – на лице гостя отразилась тень тщательно сдерживаемой улыбки. – Высокие горы. Тёмные непроходимые леса. Тишина, о которой можно только мечтать, а также свобода нравов, о которой говорить не принято. Вы ведь понимаете, о чём идёт речь?

Девушка быстро оглянулась, чтобы убедиться, что за их странным разговором никто не наблюдает.

– Не совсем, – честно прошептала она.

Магистр всё же улыбнулся и одними губами произнёс:

– Тогда подумайте, почему из семерых мистиков я выбрал именно вас.

Нет, этого не может быть, не может быть. С кристаллами стаффлекса всё понятно: бледность, сердцебиение, скорость реакции зрачков и другие признаки могут быть заметны, если внимательно присматриваться. Но если предположить, что с такой же лёгкостью можно безо всяких сканирующих устройств почувствовать тёмный дар некроманта...

– Дайте мне подсказку.

– Покажите эту записку своим родителям, – посоветовал он. – И скажите им, что Тэрон никогда не забывает о данных обещаниях. Как и Солнечные стражи.

– Вас так зовут, верно? Магистр Тэрон? – уточнила Лиза.

– Верно. Как и то, что вы, как я вижу, никогда не слышали обо мне, – разочарованно констатировал он.

Девушка медленно покачала головой, не припоминая, чтобы имя магистра когда-то встречалось в учебниках или рассказах учителей.

– Будет хорошо, если вы прибудете в Академию за неделю-две до начала занятий, чтобы немного привыкнуть к нашему городу. В конце августа будет в самый раз. Договорились?

– Да, – быстро ответила Лиза, увидев, что магистр собирается уходить.

В её голове роилось уже столько вопросов, что нужно было немного обдумать их в спокойствии и одиночестве.

– Отлично, – тряхнул головой он. – Тогда до встречи, Лизабет Сандберг.

– До встречи, – тихо сказала она.

По дороге в клинику Фредерик перестал изрыгать проклятия и готов был разрыдаться от нахлынувшего бессилия. Как назло, оба родителя сидели на крыльце и о чём-то переговаривались, выжидающе поглядывая на дорогу. Эдвин Сандберг, высокий рыжий мужчина с аккуратно подстриженной бородой и хмуро сдвинутыми кустистыми бровями, издали почувствовал неладное, поднялся с лавки и сошёл по ступенькам навстречу детям.

– Неужели завалил экзамен?! – воскликнул он, обращаясь к сыну, и, не дожидаясь ответа, сам же и сделал вывод: – Точно, завалил. Выкладывай сейчас же, что произошло!

Соня молча подошла и поочередно обняла расстроенного сына и задумчивую дочь, коснувшись тёплыми губами их щёк. Фредерик уселся на ступенях и – будто подменили его –

насупился и молчал, пока Лиза пересказывала всю историю с придирчивой Луковицей и её бесконечными одёргиваниями и замечаниями во время практической части. Сначала ей не понравились молнии и ледяные шипы, которые Фред выпускал в деревянного истукана, после она раскритиковала интенсивность и форму огненных шаров, затем прицепилась к границам защитных заклинаний. Напоследок вредная председательница заявила, что формула повышения жизненного тонуса, произнесённая юношей, совсем не та, что изучается в школьной программе мистиков. И её абсолютно не интересовал тот факт, что родители Фреда – практикующие лекари, единственные во всей округе.

Отец вздохнул, поддерживающе похлопал сына по плечу, но ругать не стал. Положа руку на сердце, он, как и Сония, не хотел отпустить от себя сразу обоих старших детей.

– Ничего, ещё годик позанимаешься, а там, может, и наскучит огнём кидаться, захочешь семейное дело продолжить, лечить выучишься. Сейчас мать родит, кто мне помогать будет?

Тут Лиза сделала маленький шаг вперёд и достала из-за спины записку:

– А мне... мне дали приглашение в Трир. Я поступила в Академию.

Рыжий лекарь неожиданно замер, словно только теперь по-настоящему заметил стоящую рядом дочь. Он сурово посмотрел на неё, потом на её мать, застывшую со странным, виноватым выражением лица, после чего твёрдо сказал:

– А ты никуда не поедешь, хватит с тебя магии. Мы с матерью нашли тебе жениха подходящего. Замуж пойдёшь.

Глава 7

Как и все обладатели магического дара, теньевые маги и некроманты стремятся сохранить силу своей крови и приумножить её, а потому часто выбирают в спутники жизни себе подобных магов. Однако нередко случаи, когда носители проклятой крови вступают в отношения с обычными людьми, подчиняя их своей воле и делая соучастниками преступлений, коими являются любые занятия тёмным искусством. Самыми сложными для поиска и обнаружения теньевых магов являются ситуации, в которых преступника укрывают его друзья или сожители из числа официальных волибников, имеющих лицензию Академии или Университета. (Вольдемар Гвинта, Учебник для искателей первого года обучения)

Несколько мгновений девушка стояла на деревянных ступенях клиники в полном оцепенении, не в силах поверить в услышанные слова. Ей начало казаться, что всё происходящее с ней – бледная, полустёртая картинка из старой книжки. Мир дрожал, готовый дать трещину и разлететься на мельчайшие осколки. Всё, что она видела, – и резные перила крыльца, и застеленная вышитым одеялом скамейка, и лица родителей, и карминовые с жёлтым цветки выюнков, что раскачивались в такт ветру на длинных стебельках, – всё было готово исчезнуть, как исчезают поутру ночные видения. Рассеиваются невиданные леса и сказочные замки, а на их месте проступают силуэты обыденных предметов: стены, стулья, шкаф, прикрытая дверь.

Лиза долго готовилась к этому моменту. Она понимала, что зашла слишком далеко и наказание непременно настигнет её. Нельзя постоянно ходить по краю и ни разу не оступиться. Тайна, как любил приговаривать на уроках профессор Сморчок, есть состояние нестабильное и энергетически невыгодное. Наивно было думать, что родители готовы закрыть на всё глаза и отпустить дочь в самостоятельную жизнь, зная о её даре. О её проклятии. А теперь по их лицам девушка видела: они знали, давно уже знали. И ей хотелось умереть на месте, только чтобы не слушать всех их доводов и доказательств. Её выручил опомнившийся первым и вскочивший на ноги брат:

– Что это вы выдумали?! Эти устаревшие традиции давно не в моде даже у обычных людей, а уж среди магов и подавно! Лизу пригласили в Академию на выпускном экзамене, а вы вместо того, чтобы порадоваться за дочь, придумали ей вот такой дурацкий подарок? Жениха?!

– Не горячись, – предупредил его отец. – Это решение далось нам непросто.

Девушка подняла голову и увидела, как мать смахивает набежавшие слёзы. После она торопливо обтёрла руки о подол платья и потянулась к дочери:

– Пойдём внутрь, поговорим спокойно...

Фред первым распахнул дверь, но суровый отец отстранил его с дороги:

– А ты посиди здесь и остынь! Этот разговор предназначен только для Лизы.

– Я всё равно всё узнаю! – фыркнул юноша. – Как и о том, кто надоумил вас поступать с собственной дочерью как с какой-то деревенской дурочкой. Лиза, не слушай их!

Они молча прошли через залитую солнцем и сверкающую стеклянными дверцами шкафчиков приёмную в кабинет отца, где царили синеватые сумерки. Вопреки обыкновению, тяжёлые шторы на окнах были сегодня задёрнуты, а ставни плотно закрыты, отчего в воздухе висела неподвижная духота. Лиза также не могла припомнить, чтобы родители когда-то запирали дверь изнутри на ключ, как сделали сейчас. Сердце кольнуло тревогой. Мать вздохнула и подтолкнула замершую дочь к стулу, на котором обычно располагались посетители.

– Сядь, – шепнула Соня и дрожащей рукой провела по голове Лизы.

Отец садиться не торопился, он задумчиво переставлял на полке склянки и собирался с мыслями, шумно вдыхая и выдыхая застоявшийся горячий воздух. В банках в полупрозрачных жидкостях безжизненно болтались внутренние органы крыс, кроликов и летучих мышей. «Я умру, – вдруг подумала Лиза безо всякого страха. – Если они что-то захотят сделать с моим

даром, то я просто умру, и всё. Это нельзя ни исцелить, ни вытащить из живого человека». И словно вдогонку её мыслям пришёл в голову обрывок из протокольных записей Ордена, что приводил Вольдемар Гвинта в своих учебниках. «Смерть, – писал он, – для некроманта лишь первый шаг к его возможностям».

– Лизабет, – сказал наконец Эдвин Сандберг, сцепив руки в замок и оборачиваясь к дочери. – Мы очень гордимся тобой. Профессор Ильсен ещё в прошлом году готов был выдать тебе рекомендации в Университет. Мы с мамой были бы счастливы знать, что ты станешь студенткой, а после окончания высшей школы поступишь на службу в Гильдию магов или Солнечную стражу. Ты ведь знаешь, что я уважаю и Стражу, и учёных из Гильдии.

Девушка молча кивнула. Отец прочистил горло и посмотрел на жену. Сония тяжело вздохнула и села напротив дочери, подхватывая разговор:

– Мы ждали, когда ты захочешь рассказать об этом сама, но... я понимаю, насколько тебе трудно. Твой дар, который ты обнаружила в себе. Который хочешь укрыть от всего мира и который не даёт тебе возможности даже дышать спокойно. Это ведь наша общая беда. Не только твоя.

– Нет, – неожиданно резко выдохнула Лиза, помотав головой. – Вас это не касается! Не должно коснуться!

– Нас это коснулось задолго до твоего рождения, – ласково сказала женщина, протягивая руки к сжатым в кулаки пальцам дочери. – А значит, касается и теперь. Важно только помнить, что даже самые светлые воины никогда не выходят сражаться с Тьмой в одиночку.

– Ты должна была рассказать нам о той истории с призраком. Это помогло бы избежать массы ненужных слухов и домыслов. – Эдвин обошёл свой стол, подвинул в сторону разбросанные записи и оперся ладонями о столешницу, глядя на дочь.

Конечно, история с упокоенным привидением! Лиза беспечно полагала, что их с Фредом вмешательство осталось незамеченным.

– Всем стало лучше, когда призрак исчез. В чём я виновата перед вами или перед кем-то ещё? – Она осторожно отняла руки у матери и спрятала их в карманы.

– Прошлой ночью вы с Фредом тоже помогали призракам или кому-то более, кхм, материальному? – неожиданно жёстко спросил отец.

Лиза не ответила.

– Ты не понимаешь, что подвергаешь опасности не только себя, не только брата и даже не только нашу семью? Прибегая к запрещённым заклинаниям, ты ставишь под угрозу жизни сотен и тысяч совершенно невинных людей! И ради чего? – Большие ладони отца в возмущении хлопнули по столу. – Ради спасения одной маленькой и неизвестной тебе дикарки, которая завтра, не задумываясь, выпустит стрелу в глаз первому, кто зайдёт в лес набрать дров для камина. Или украдёт твою сестрёнку, едва она появится на свет!

Девушка молчала.

– Да, мы тоже понимаем, что охота на лесных эльфов – чистой воды варварство, что в проклятиях, от которых страдают люди по всему миру, виноваты прежде всего сами люди, а не какие-то злые эльфы, бегающие по лесам. Но у всего на свете есть цена! И прежде чем совершать, как тебе кажется, красивый и благородный поступок, нужно хорошенько подумать, во что он тебе обойдётся! Жизнь одной дикарки или жизнь твоей деревни! Пара запрещённых заклинаний или жизнь, – он указал на плачущую жену, – твоей матери, твоих брата и сестёр!

Лиза почувствовала, как едкие горячие слёзы переливаются через край и ползут по холодному, будто ставшему безжизненным, лицу. Отец замолчал, уселся на свой стул, раздражённо огладил усы и бороду, словно пытаясь смахнуть прочь злые и неприятные слова, которые пришлось произнести.

– Тёмный дар нельзя исцелить, потому что это не болезнь, – тихо сказала мама. – Будь это болезнь, мы сделали бы всё возможное, чтобы избавить тебя от неё.

– Я знаю, – сказала Лиза. Слова царапали горло и казались чужими, горькими на вкус, как зелье с осколками стекла от разбитого флакончика. – Тогда как избавиться от него?

– Избавиться нельзя. – Соня теперь гладила её руки, спрятанные в карманы, сквозь тонкую ткань праздничной юбки. – Но можно просто оставить его в покое. Убрать в шкатулку, закрыть на замок и положить на дно сундука. Чтобы не причинить вреда себе и своим близким, чтобы прожить спокойную и долгую жизнь.

Эдвин Сандберг перевёл дыхание, взял в руку деревянную трубку, которой выслушивал больных, заглянул внутрь гладкого конуса.

– Помнишь сказку о волшебнике с дудочкой? Этот музыкант научился преобразовывать заклинания магии разума в наборы звуков, в мелодии. Стоило ему заиграть на своей флейте, как все женщины вокруг теряли рассудок, скидывали одежды и принимались танцевать. Некоторых так вдохновляли волшебные мелодии, что они готовы были оставить свои семьи, богатства, родные деревни и города, лишь бы путешествовать с музыкантом и слушать его флейту. В конце концов слухи о нём дошли до ушей принцессы. Она топнула ножкой и велела доставить музыканта во дворец. Через какое-то время флейтиста отыскали, и он предстал перед её ликом в королевском саду. Принцессе было шестнадцать лет, и она была очень красива. Волшебник влюбился в неё с первого взгляда и пожелал тут же заполучить её благосклонность – своим обычным способом. Он начал играть... Помнишь, чем всё закончилось?

Лиза всхлипнула и посмотрела на отца:

– У принцессы не выдержало сердце. Не в силах пережить восхищение завораживающей музыкой, она упала замертво к ногам музыканта.

Рыжие брови отца удивлённо поползли вверх:

– Что-что?

Девушка слабо улыбнулась:

– Среди королевских стражей были и искатели, которые смогли распознать запрещённую магию. Они тут же схватили и связали волшебника. На следующий день его сожгли на площади по указу короля вместе с его проклятой дудочкой. Когда несчастного тащили на костёр, с него упала его любимая клетчатая шляпа, с которой музыкант никогда не расставался, и все люди увидели, что он был наполовину эльфом! По его острым и длинным ушам. Так ещё раз подтвердилась теория о том, что все смертоносные заклинания имеют эльфийское происхождение, а все тёмные волшебники – эльфийскую кровь.

Отец усмехнулся:

– Конечно! Версия твоего любимого Вольдемара Гвинты! Лживая, как и всё его учение о магии крови.

– Его учение не лживое, – возразила Лиза, – всё, что сказано в учебниках для искателей о некромантах, оказывается правдой. Как и теория о проклятой крови и её эльфийском происхождении.

Соня, подхватив живот, вскочила со стула и принялась расхаживать за спиной Лизы.

– И всё же легенда появилась задолго до рождения первого инквизитора и задолго до войны с эльфами. А потому у неё совсем другое окончание. Прошу тебя, дослушай до конца. – Женщина бросила умоляющий взгляд на мужа, всё ещё надеясь на мирный исход разговора. Эдвин незаметно кивнул.

– Я слушаю, – напряжённо ответила дочь, упрямо опустив голову и рассматривая щели между досками пола.

– Принцесса убежала вместе с возлюбленным из дворца, пока околдованные музыкой придворные танцевали и предавались любовным утехам. Они поселились в небольшом домике в окружении зелёных полей и цветущих садов, а дудочку закопали в тёмном лесу в глубокой-глубокой яме. У принцессы не было волшебного дара, а потому их потомки уже через пару

поколений превратились в обычных людей, способных лишь время от времени чувствовать приближение непогоды или видеть вещие сны. Но это была счастливая семья...

Сонии всегда удавалось влетать в сказки и истории, которые она рассказывала детям и больным в клинике, тонкую ниточку целительной магии. Даже Эдвин, несмотря на твёрдый характер и решительность, почувствовал, как уходит раздражение и успокаиваются нервы. Он не выдержал, выбрался из-за стола и, подойдя к жене и дочери, неловко обнял сразу обеих:

– Лиза... Мы с мамой хотим, чтобы ты была счастлива. Твой дар сейчас сопротивляется и говорит об обратном, и ты, должно быть, видишь нас злодеями, которые хотят отнять у тебя самое дорогое.

Девушка сжалась, закрывая руками уши и не желая больше ничего слышать. Отец отступил, вернулся к своему столу и принялся копаться в ящиках. Мать всё ещё была рядом, поправляла косу Лизы, мягкими движениями поглаживала плечи.

– Ты разумная девушка, – странным голосом сказал отец, после чего послышался щелчок открываемого замка. – Всё, что от тебя требуется, это раскрыть свой разум и понять, что в наших с матерью намерениях нет никакого зла. Только беспокойство и забота о тебе.

Лиза подняла голову и увидела в руках отца небольшой деревянный футляр с изображением сияющего солнца и знаков Ордена Инквизиции.

– То есть вы рассказывали все эти сказки для того, чтобы нацепить на меня миралитовый ошейник и выдать замуж за какого-то фермера из Заречья? – Она медленно поднялась, несмотря на то что мать пыталась удержать её за плечи.

В этот момент никому не пришло бы в голову сказать, будто они с братом Фредом не похожи друг на друга: в её распахнутых от страха и удивления глазах полыхнул настоящий огонь. Сонии с её животом было совсем не просто сдерживать вырывающуюся дочь.

– Лиза, ты поймёшь, всё поймёшь, пусть и не сразу... успокойся!

Освободив руки, девушка первым делом дёрнула за тугие ленточки и распустила стянутые на затылке волосы из надоевшей косы. На её вечно бледном лице проступил румянец, к губам прилила кровь. Сония невольно подумала, что зря, очень зря родители жениха окрестили её старшую дочь «бледной немочью». Оставив попытки усадить Лизу обратно на стул, женщина загородила собой путь к отступлению – прислонилась к двери и сложила руки на груди.

– Это не ошейник, – отец подошёл и протянул Лизе приоткрытую шкатулку, – хотя насчёт миралита ты, конечно, догадалась. Что нетрудно, если каждый день читать учебники инквизиторов.

На зелёном бархате сверкали серебром два тонких узорчатых браслета. Если не задумываться о содержимом – красивый свадебный подарок для дочери. Дорогой подарок. Хватило бы на оплату обучения в Университете... Девушка провела пальцем по искусной гравировке. Причудливые цветы и изящные листья украшали холодный металл. Никаких священных заклинаний или магических формул, даже самого миралита не было видно, его надёжно скрывала скорлупка из серебра.

– Их нельзя снять, – прошептала Лиза, рассматривая простой на первый взгляд механизм, запирающий браслеты на запястьях.

– Нельзя, – глухо подтвердил отец, – ключ не предусмотрен. Но снимать их и не понадобится. Ты привыкнешь и не пожелаешь возвращаться в прежнее состояние. Твой дар утихнет и перестанет напоминать о себе.

– Я не хочу расставаться с ним, – тихо сказала Лиза. – И выходить замуж за чужого человека я тоже не хочу. Разве вы сами отказывались от своего предназначения, закапывали в землю свой дар? Разве вы вместе не потому, что любите друг друга?..

Эдвин попытался прикоснуться к дочери, но она отступила назад.

– Наша магия не представляет опасности, Лиза, пойми это уже, наконец. Мы хотим видеть тебя живой и здоровой, видеть, как ты вырастешь, как у тебя появляются собственные дети. Нет ничего более ценного в мире, чем любящая семья.

– Ваша семья начиналась не с наручников, – горько заметила девушка.

– У нас были другие трудности, дочь, – негромко ответил отец, – но мы преодолели их вместе, несмотря ни на что.

– Из-за этих трудностей я родилась такой, верно? – воскликнула Лиза.

За спиной судорожно всхлипнула мать. Отец сделался совсем хмурым и покачал головой:

– Что было, то было, это в прошлом. Сейчас более важно настоящее и будущее.

– Значит, вы думаете, что я должна добровольно нацепить на себя эту гадость? – Девушка указала взглядом на тускло сверкающие в руках отца браслеты. – Или наденете их силой? Парализуете меня или усыпите? Или, может быть, у вас есть на этот случай специальные инквизиторские заклинания?

– Да, есть, – выкрикнул отец. – И скоро ты в этом убедишься, если не начнёшь думать головой!

– Тогда дайте мне время, чтобы подумать! – в ответ крикнула она и бросилась к двери, где всё ещё стояла расстроенная мать.

– Лиза, Лиза, погоди. – Соня отступила в сторону и позволила дочери повернуть ключ в замке. – Прошу тебя, только не делай глупостей!

– А какие глупости делали вы, что я получилась такой? – в отчаянии выдохнула Лиза. – Приручали демонов из сумрака? Гуляли по дороге для мертвецов? Не хотите ничего рассказывать, так и не надо! Я сама всё узнаю. Я не отступлюсь!

Ей понадобился один момент, чтобы приоткрыть дверь и выскочить прочь. Соня сокрушённо покачала головой:

– Она догадается, Эдвин! Она почти догадалась!

Муж прижал её к широкой груди и погладил по спине:

– Надо было сказать ей. Но у меня не хватило духу.

– Мы обвиняем дочь в эгоизме, а сами только и думаем о том, как бы не потревожить наше уютное семейное счастье. Я не хочу, чтобы Лиза осталась одна, наедине со своим даром, который сильнее её разума. Она не виновата в том, что её настоящий отец был эльфом. Это моя и только моя вина!

– Это и не твоя вина тоже! Так сложилась наша жизнь, в то время мы не вольны были выбирать. – Лекарь обнимал жену и с ненавистью поглядывал в сторону забытых на столе браслетов. – Мне хотелось, чтобы у наших детей обязательно был выбор. Они не видели войны и лишений, выросли среди цветущих садов и зелёных полей. А теперь мы сами пытаемся забрать у дочери ту жизнь, которую она любит, и заменить её на какое-то «благо», о котором сами не имеем понятия. Мы ведь не знаем, что значит для мага жить без его дара, что значит жить с нелюбимым человеком...

– Мы всё ещё можем отпустить её, Эдвин. Ещё не поздно всё исправить, – всхлипнула Соня. – Трир далеко и не подчиняется Ордену Инквизиции, а магистру Тэрону можно доверять. Когда-то мы доверяли ему свои жизни и ничего не боялись.

– Нет, Соня, мы долго вынашивали наше решение и отступаться уже не станем. Нужно быть сильными до конца. Лиза разумная девочка, она успокоится, поразмышляет и справится. Если же мы дадим ей сейчас волю, то не простим себе этого до конца нашей жизни.

Лекарь поцеловал жену в висок, порывисто подошёл к раскрытой шкатулке и с отворачиванием захлопнул крышку.

– Сколько времени ты дашь ей на раздумья? – еле слышно спросила Соня.

– Пусть отпразднует день Великого Солнца со своими друзьями, – ответил Эдвин.

– Семь дней, – прошептала женщина. – Я скажу ей, успокою её. Надеюсь, за это время она не натворит больше ничего.

– Надеюсь, – буркнул в ответ Сандберг. – Отряд искателей убрался из Фоллинге сегодня утром, поэтому мы ничем не рискуем.

Когда Соня вновь вышла на крыльцо клиники, то ни Лизы, ни Фреда там уже не было.

Глава 8

Три или четыре дня Соню терзали тревожные мысли и тягостное ожидание чего-то непоправимого. Тайком от мужа и детей она спустилась в погреб, отыскала на дальних полках задвинутый в тёмный угол костяной ларчик, покрытый пылью и тонкими паутинками, произнесла заклинание-ключ. Древние эльфийские слова глухо отразились от стен и повисли в воздухе, как заблудившееся эхо. Хрустнув попавшими внутрь песчинками, щёлкнул потайной механизм. Женщина откинула крышку, почти не глядя, на ощупь извлекла холодный, слабо мерцающий кубик горного хрусталя, погладила остро отточенные грани.

Огонёк свечи дрогнул, когда она поднесла камень поближе, посмотрела в него на просвет и содрогнулась сама: всё то же, всё то же, что и прежде. Эдвин, которому не по душе были любые предсказания или гадания, заглянул однажды в кристалл и заявил, что эта эльфийская побрякушка – не более чем грязный кусок горной породы, и только бурное воображение жены позволяет ей видеть сокрытые внутри застывших граней ужасающие картины. Соня не поверила мужу. Она знала, что он ошибается. Она также знала, что по-своему он прав. Гадальные камни с той стороны Вечных гор отражали состояние своего обладателя. Тот, кто смотрел в будущее со страхом, видел одно, кто заглядывал с надеждой – другое, кто мучился сомнениями – третье. Менялось настроение предсказателя, менялись и видения.

Соня смотрела в камень и видела чёрный неподвижный лес, где деревья достают до неба или же небо лежит на остроконечных макушках древних елей тёмно-серым тяжёлым покрывалом. Она видела разинутые пасти зверей, их алчущие живой крови зазубренные клыки и горящие, как угли, глаза. Видела змей, свивающихся в клубки на дне непроходимых болот, а среди всего этого – тонкую девичью фигурку. Волосок чужеродного вещества, попавший в горный хрусталь столетия назад, задолго до рождения Лизы и задолго до рождения того, кто подарил ей проклятие некромантии, её настоящего отца, эльфа из Гильдии призывателей теней.

Огонёк свечи нервно подрагивал, и вот уже крохотная картинка в камне явила за лесом высокую стену неприступного замка, а дальше из кварцевого тумана выплывали лишь огромные серые волны или облака. Именно так очевидцы описывали Трир, самый отдалённый и загадочный город на западе. Столицу небольшого одноимённого графства, расположенную на краю света. Графства, где до сих пор царствовали старые порядки, а люди почитали в равной степени и солнечного бога Ксяя, и лунную богиню Нииру. Где в одиночку правила уже два десятилетия наследница древнего рода Агата Флеминг, та самая хрупкая женщина, что сумела дать отпор генералу Инквизиции и прогнать его солдат со своих земель. Какие только слухи не ходили о тех местах...

Соня почувствовала, как парализующий холод подступает к её шее, сковывает плечи и стиснувшие гадальный камень пальцы. Она вздрогнула, потрясла головой, отводя взгляд в сторону – и вот уже страшное видение рассеялось, и заиграли в рыжих отблесках огонька стеклянные банки с припасами и бутылки с яблочным вином. С чего она взяла, в самом деле, будто хрустальная безделушка показывает ей будущее старшей дочери? Зачем вообще собирала ещё со времён Академии все эти эльфийские предметы: гребешок для волос, серебряную подвеску, перочинный ножичек, моток шёлковых нитей и флакончик из-под духов в форме полумесяца? Неужели всерьёз думала, что когда-то ей хватит решимости открыть Лизе правду о её происхождении? Нет. Никогда. И глупо было утешать себя призрачными надеждами на то, что через год-другой всё изменится.

Соня выбралась наверх, вернулась в дом и в который раз выглянула в окно, чтобы удостовериться, что дети в саду, все четверо. Сердце всё ещё тревожно подскакивало в груди, и это было, конечно же, нехорошо для малышки, которая принялась беспокорно толкаться в животе.

Женщина глубоко вздохнула, взяла отложенное в сторону шитьё и села возле раскрытого окна – так, чтобы видеть и слышать, что творится снаружи.

Нельзя было сказать, что Фредерика не расстроил провал на экзамене и ядовитые слова заезжей магистерши, но огорчаться долго юноша никогда не умел. Весь остаток того злосчастного дня он не находил себе места: то принимался отчаянно ругаться, то странно замолкал, видимо, пытаясь отыскать в себе границы того самого контроля, который не обнаружили в нём строгие экзаменаторы. Пару раз он запирался в пыльной каморке наверху, огрызнулся на прибежавшую к вечеру Беллу с подружками, что-то яростно доказывал глухонемому работнику Хруту и старому деду, пока те не прослезились от невозможности помочь юному мистика и не потребовали на ужин горькой настойки, от которой расчувствовались ещё больше. Пообещал непременно сжечь Вестенскую Академию, переписать правила сдачи выпускных экзаменов, изорвал ученические тетради, впервые на памяти родителей отказался от ужина... Но уже на следующее утро проснулся и вышел на крыльцо со своей обыкновенной улыбкой и завивающимися по обеим сторонам головы кудрями, которые в задумчивости всегда пытался пригладить за уши.

Лиза выглядела притихшей и расстроенной, но спокойной. От вспышки, которую она позволила себе в клинике, не осталось и следа, но, что самое главное, она больше ни о чём не расспрашивала родителей. Опасная грань, грозившая крупными семейными проблемами, была пройдена, и на четвёртый день Сония успокоилась окончательно и занялась приготовлениями к празднику Великого солнца. В частности, решила дошить первое собственное платье для Молли, по обыкновению донашивающей все вещи Элин. Платье было нежного медового цвета, украшенное на груди россыпью жемчужных цветов из мелкого бисера.

В саду беспрерывно стрекотали кузнечики, под крышей сутились и трещали таскающие с реки липкую глину ласточки – строили гнездо. Фред помогал работнику прилаживать колесо к тележке для дров, Лизабет и младшие девочки хлопотали вокруг розовых кустов, а после расположились в тени раскидистой яблони и принялись разглядывать книгу сказок. Сония невольно прислушивалась к звонким голоскам дочерей. Молли уселась поближе к Лизе, подобрала под себя ноги и потребовала:

– Давай самую страшную! Про ледяное чудовище с той стороны гор или про тролля из Кричащей пещеры!

Элин протестующе замотала рыжей головой и начала дёргать сестру за другой рукав:

– Не-е-ет, лучше добрую, где принц и принцесса и свадьба потом в настоящем дворце!

Лиза, ты ведь тоже выйдешь замуж скоро, правда?

Лиза раскрыла книгу ровно посередине и задумчиво улыбнулась:

– Правда, только жить я буду не во дворце, а в Брайтхейме.

– Ух ты, это же та-а-ак далеко, за рекой и за полями... – воскликнула Молли. – Ты будешь прилетать к нам?!

– Телепортироваться запрещено, – авторитетно заявила Элин младшей сестре, на всякий случай взглянув в лицо Лизы.

Лиза кивнула с грустной улыбкой:

– Если ты, конечно, не дослужился до магистра в какой-нибудь Академии...

– А кто же тогда станет читать нам? – обиженно надула губы Молли. – Ведь у тебя родятся свои дети, и они тоже захотят слушать сказки!

– Если не сможете заставить Фреда, то придётся читать самим, – улыбнулась девушка.

Элин фыркнула, наморщив веснушчатый нос, а затем указала рукой куда-то в заросли густой травы и лопухов. Листья колыхнулись, и между ними вдруг появилась белая с серым усатая морда кошки, зажавшей в зубах жирную мышь.

– А вы тоже видели, что внутри у Мурчалки – котят?

Лиза с любопытством уставилась на сестрёнку:

– Как ты узнала об этом?

Девочка призадумалась. Она была ещё слишком мала, чтобы посещать уроки для мистиков, зато с большим интересом наблюдала за работой родителей – когда ей позволяли присутствовать в клинике.

– Ну-у-у, – протянула она, потеревив цветной поясок на платье, – когда Мурчалка пришла ко мне спать, я стала слушать, что происходит у неё в животе, и узнала, что там четыре котёнка, очень маленькие, во-о-от такусенькие.

Пальцы Элин показали расстояние не больше двух сантиметров.

– Сначала я расстроилась, что их всего четыре, потому что тогда получается, что кому-то не достанется котёнка, ведь детей-то пять, ну, скоро будет. Но потом решила так: Мурчалка же моя, а потому мне не полагается котёнка. Так что котят всем хватит.

Молли уверенно кивнула:

– Я хочу беленького с пятном на спинке! Можешь посмотреть, есть у неё такой внутри или нет?

Лиза невольно засмеялась, прижимая к себе обеих девочек. Элин помотала головой:

– Какого они цвета, ещё не видно! У них пока нет шерсти.

Соня покивала своим мыслям, расправив шитьё и проверяя, одинаковыми ли удалась складки на поясе платица. Дар младших дочерей повторял её собственный – каждый раз, прикасаясь к их нежным рыжим головкам, обнимая их и беря за руки, женщина ощущала тот же тёплый светящийся поток, разносимый кровью по всему телу. Фреду досталось больше огня: прадед по отцовской линии, по его собственным словам, в юности совершил два десятка поджогов и катастроф, прежде чем научился справляться с опасной стихией, хотя ни разу, повторял старик, не обжёгся сам. Одна только Лиза... Как ни пытались родители перехитрить её природу, как ни обучали её целительным и огненным заклинаниям, как ни прятали от неё всё, что могло бы подтолкнуть её к тёмному пути, дар всё равно прорвался наружу и, слава богам, в сознательном возрасте, когда девочке уже хватило ума его скрывать. Два года назад, в пятнадцать лет, она, сама того не понимая, выдала себя неосторожными словами...

У крыльца клиники только-только стаял снег, дороги развезло вдрызг, грязь и лужи блестя под яростным весенним солнцем, испуская пар, когда в дверь постучал перепачканный с ног до головы путник. Лиза, помогавшая матери в приготовлении растворов, побежала открыть, да так и отшатнулась, наткнувшись на тёмный взгляд гостя, спряталась за дверь. Впрочем, странный посетитель и не подумал заходить, лишь попросил у Сони простое средство из вытяжки подорожника и водяного перца да пару широких бинтов.

– Платить мне нечем, хозяйюшка, – хрипло сказал он. – На вашу землю я пришёл с долгами расплатиться, а как расплатился, так ничего и не осталось. Спасибо тебе за доброту.

Поклонился и ушёл. И ничего больше не произошло бы странного или примечательного в тот день, если бы Соня случайно не услышала разговоры старших детей на заднем дворе, где они тренировались в заклинаниях, мучая ударами молний и огня выдавшую виды закопчённую деревянную колоду.

– Точно знаю, это был не простой нищий, и не в рваной и грязной одежде было дело. – Голос Лизы казался необычно взволнованным, дрожащим. – Его словно тень окутывала, холодная и липкая тень, с которой ни солнечный свет, ни тепло сделать ничего не могли. И это была не злоба и не страх, а куда сильнее и неотвратимее. Я думаю, он недавно убил кого-то, Фред, и всё это были следы той недавней смерти. Особенно – на его руках.

– Если он говорил о долгах, то вполне мог и убить кого-то из-за этих долгов, – предположил брат, сидевший на бревне. – И закопать где-нибудь, оттого и грязным таким был.

– Этого мы уже никак не узнаем, – ответила Лиза. – Я только знаю, что тот, убитый, не оставит его в покое.

– Откуда знаешь? – вскинул голову Фред.

– Не могу объяснить, чувствую, и всё. Привязана эта смерть к нему, как собака на поводке, что ли. Быть может, их клятва связывала какая-нибудь, или родственниками они были.

Они помолчали, после чего брат соскочил на землю и заглянул Лизе в глаза:

– Я как-то раз у профессора на столе книжку одну видел, так там говорилось, что все маги, которые вот эту гадость насчёт мертвяков или призраков чувствуют, не просто мистики, а некроманты. Хочешь, попросим её у Сморчка? Я сам могу попросить, если боишься! Её самый известный в мире инквизитор написал, генерал Гвинта. Помнишь, что нам про него рассказывали?

– Принеси! – тут же отозвалась Лиза. – А если не позволит взять, то мы у бабушки спросим, где такую раздобыть. Только вот неправда это всё про некромантию: все мистики улавливают злые или добрые намерения, а для общения с мёртвыми этого недостаточно, должен быть тёмный дар в крови. Особенная кровь, которой в нашем роду неоткуда взяться!

И так искренне и уверенно говорила Лиза, что Соня только и смогла, что прикрыть ладонями рот, прислонившись к стене сарая, чтобы не выдать своего присутствия. Все слова, что примеряла и готовила женщина на тот случай, если у дочери пробудится дар, обратились в бессмыслицу. Как ей сказать? Как?..

Сейчас Соня понимала, что должна была вмешаться, запретить Лизе изучать труды этого проклятого инквизитора, в каждом маге подозревающего тёмное начало, в каждом мистическом заклинании усматривающего злой умысел. По вине генерала Гвинты, из обращения официальных магов и целителей было изъято несколько десятков крайне полезных магических формул, которые Орден вдруг начал относить к запрещённым.

Благодаря его книгам, в особенности двум учебникам для начинающих искателей, Лизабет с каждым днём всё больше и больше убеждалась в том, что её дар отличается от других. Она говорила об этом только с Фредом, который – на удивление – оказался ещё более скрытным и под пытками бы не признался в своём участии в безумных экспериментах сестры. Подтвердить или опровергнуть наличие тёмного дара можно было только одним-единственным способом – начать его использовать. Получится – ответ да, не получится – очевидно, всё фантазии и опасения, неоткуда взяться в их чистой и светлой семье подобному проклятию. Как назло, случившееся впоследствии походило на тронувшийся лёд, неизбежно увлекаемый движением реки: сама действительность, подкрепляемая теоретическими знаниями, предоставила Лизе шанс убедиться в наличии тёмного дара. И случилось это в тот же год, после того как юные мистики углубились в изучение учебников Вольдемара Гвинты.

У мелкого купчишки, промышляющего торговлей белками и нутриями, утопилась восемнадцатилетняя дочь. «Любовь, – злобно отвечал на расспросы сочувствующих односельчан купец, – любовь до добра не доводит!» Мать погибшей девушки, поседевшая в одну ночь, молча сжимала губы и бесконечно тёрла сухим платком сухие же красные глаза.

За лекарем послали, само собой, для соблюдения формальностей и протокола – подтвердить, что «смерть наступила по причине невозможности человека дышать при заполнении лёгких водой». Эдвин Сандберг пошёл без особого настроения: дел с дознавателями и следствием он предпочитал не иметь, а к любым бумажным документам относился с презрением. К тому же нет для целителя более печального зрелища, чем пациент, которому уже никак нельзя помочь.

Лиза и Фред увязались следом. По распоряжению властей юным мистикам дозволялось наблюдать и за рождением новой жизни, и за отхождением душ в мир иной, дабы набираться мистического опыта и впечатлений. Лекарь вошёл в дом, хмуро откинул полотно с посиневшего тела, одетого в одну лишь тонкую нижнюю рубашку. Лиза держалась за плечо брата, не решаясь подойти ближе, но смотрела она вовсе не на распластанную на столе утопленницу... она смотрела на тонкую занавеску, отделяющую комнату от кухни. Там, едва различимый

на белом ситце, колыхался в воздухе полупрозрачный силуэт. Эдвин проследил за взглядом дочери, многозначительно взглянул на обоих детей, накрыл дочь купца полотном и вышел во двор. Лишь на дороге, остановившись, резко взял Лизу за плечо и почти по слогам произнёс:

– Никому ни слова о том, что видела.

– Да, отец, – пролепетала она испуганно.

Тайны не получилось: недели не прошло, как к крыльцу лекарей сбежались деревенские бабы, наперебой крича о призраке на реке. Эдвин вышел к ним, прочитал успокаивающие заклинания, велел жене раздать всем сердечных капель и отправил стиральщиц восвояси. Понятное дело, все эти действия возымели только временный эффект, а на привидение не могли повлиять никоим образом. Дочь купца (в виде своей призрачной копии) появлялась на улицах, заходила в трактир (отчего повар упал в котелок со свежей закваской и застрял в нём задницей), прогуливалась у речки, пугая купающихся детей и их стирающих мамок, стояла на своей могиле – словом, всячески досаждала посёлку Фоллинге одним фактом своего посмертного существования. Дело быстро дошло до настоятеля церкви, однако отряженные на дело святые братья и сёстры раз за разом возвращались ни с чем: при их появлении хитрое привидение моментально исчезало, а все доносчики тут же начинали сомневаться и путаться в собственных показаниях.

В прежние времена подобными делами занимались некроманты – даже молодой некромант знает, как справиться с такой напастью как привидение или встающий по ночам покойник, – да вот только прежние времена давно прошли. Три десятилетия назад, когда государство раскололось натрое и следом грянула война с соседями-эльфами, раскололась и магическая наука. С виду всё стало простым и понятным: чёрное-белое, тёмное-светлое, к радости народа и к неудовольствию злоупотреблявших властью и оттого распоясавшихся магов. Один только Вольдемар Гвинта собственноручно изловил и предал огню сотню, если не больше, некромантов и колдунов, а сколько изничтожили его верные последователи – никто бы не взялся считать.

– Ничего не понятно, – услышала однажды Сония голос сына за прикрытой дверью каморки. Лиза и Фред готовили уроки по заданию господина Ильсена, и мать поднялась к ним, чтобы угостить свежеспечённым пирогом.

– Всё понятно, – ответила Лиза. – Я сегодня попробую. Не ходи со мной. Мне с тобой ещё страшнее.

– Я пойду, – твёрдо заверил её брат. – Мне вообще не страшно. Только за тебя. Если окажется, что у тебя этот самый дар, тебе придётся скрываться всю свою жизнь. Как там было в книге: «Некромантами не становятся, ими рождаются».

– Во мне нет эльфийской крови, – шёпотом возразила Лиза. – Тем более в предыдущем поколении. А мы знаем нашу родословную до седьмого колена!

– Должно быть, этот Гвинта просто ошибается, – предположил Фредерик. – И некроманты рождаются и среди людей. Просто у людей какой-то другой, ну, механизм появления этого дара.

– Может быть... Скоро мы всё узнаем.

Сония не вмешалась и тогда, но мужу рассказала обо всём, без утайки. После той ночи призрачная дева, которую уже прозвали было Новой хозяйкой реки, больше не появлялась. Через месяц-другой разговоры по тавернам и лавкам, где собирался по вечерам простой люд, переключились на более актуальные проблемы. Обокрали церковную лавку: вынесли золочёные подсвечники. Избили налогового сборщика. Посреди курятника откопали клад с довыми монетами Триединого государства, отлитыми из чистейшего серебра. Народ не мог долго скучать и всегда придумывал себе новые и новые темы для обсуждения. Эдвин и Сония, объединив усилия, сумели найти выход из положения и способ помочь старшей дочери: один из их давних пациентов, искусный кузнец, как раз подыскивал невесту для подросшего сына. Брайтхейм недалеко – в трёх часах пешего пути, за рекой, за полями. А Лиза... Лиза смирится,

привыкнет, осознает, что это лучший из возможных исходов. Её разум победит бурлящую в жилах кровь. День за днём всё постепенно вернулось на круги своя, а вскорости Сония узнала о том, что снова беременна, и дурные мысли сами собой сменились уже привычным и светлым ожиданием.

Платье было готово, и женщина разложила его на столе, любуясь блестящей крошечными жемчужинами вышивкой. К празднику теперь оставалось только испечь медовых пряников и сладких колечек для увеселения детей, всё остальное было уже готово. Лиза и младшие девочки, дурачась, гонялись друг за дружкой по саду, и, глядя на них, Сония решила, что увиденное в ледяном эльфийском хрустале – не более чем морок, дурной сон. Стоит перестать о нём думать, перестать придавать ему значение, как он растворится в небытие, как над тёмным лесом взойдёт огромное, яркое солнце, и вся нечисть захлопнет голодные пасти и попрячется в свои глубокие подземные норы. В праздник светлого солнечного бога не может случиться ничего дурного. Она знала. Она верила. Она твёрдо решила, что после праздника спустится в подпол ещё раз – для того, чтобы взять содержимое того самого ларца и выбросить его в реку. И уйти прочь, больше не оглядываясь.

Глава 9

Когда розово-оранжевые отсветы заката уползли далеко на запад и небо приобрело оттенок отполированного синего перламутра, пришло время разжигать костры – чтобы воспротивиться наступлению ночи и продлить солнечный день. Чтобы снова, как делали ещё давние предки испокон веков, утвердить на будущий год власть бога солнца Ксая и его добрых духов над всем живым. Чтобы всякая сумрачная нечисть и злобные демоны помнили, что их место – во тьме, а против Тьмы есть извечное и подвластное смертным оружие – огонь. Любая нечестивая дрянь боится огня и света, а потому и люди, проклятые тёмным даром либо совершившие гадкое дело, предпочитают прятаться в пещерах и подземельях, в еловых лесах и домах с заколоченными окнами.

Вдоль реки уже сияли семь разложенных заранее костров, вокруг них сидели юноши и мальчишки, суетились, раздавая угощения, девушки, танцевали, кружась в мерцании огня, пары.

– У нас в Брайтхейме такого не бывает, – задумчиво сказал Свейн, жених Лизабет, приехавший на праздник.

Девушка улыбнулась, взяла его за руку и оглянулась на брата. В её глазах горели искры, щеки светились румянцем. И так – весь день, словно тихую и задумчивую Лизу украдкой подменили другой – весёлой и беззаботной. Фреду эта перемена решительно не нравилась, он чувствовал подвох, но удобного момента для расспросов не представилось за весь день ни разу. С самого утра рядом с сестрой крутился долговязый и любопытный сын кузнеца, которого принесло на праздник вместе с его кудахчущими и всем подряд восторгающимися родителями. Лиза поначалу, конечно, немного смущалась, но после обеда и официального объявления помолвки вдруг стала отвечать на ухаживания жениха и даже позволила ему обнимать себя за талию во время прогулки к часовне.

Завидев спускающихся с пригорка к реке мистиков, знакомая ребятня радостно загалдела и кинулась по обыкновению подзуживать магов, заверяя их, что огонь в кострах совсем не горит, а оттого не видно – свою ли девушку целуешь или уже чужую. Фред остановился у крайнего огня, опершись на школьный посох и с ухмылкой глядя на изнывающих в ожидании чуда детей и взрослых:

– Ну что, кто тут не видит девушек, а целует взамен того небритых парней?

– Ну, я не вижу – света мало от костра, надобно усилить! – заявил белобрысый Лонс, поднимаясь с бревна. Музыка, льющаяся от флейты и лютни, поутихла.

– Что ж, я сын лекаря, могу в глаза тебе закапать, чтобы ты лучше видел! – заявил Фред.

Мальчишки засмеялись, две малолетние девочки, ровесницы Элин, подбежали к магам со сладостями и пряным яблочным вином в полупрозрачной фляжке. Юноша поклонился им, принял дары и ответил:

– Благодарствую, вот только сегодня зажигать буду не я.

– Как это не ты, а кто же?! Больше некому! – послышались возмущённые крики.

Фред указал на остановившуюся рядом Лизу и перебросил ей свой посох:

– Моя сестрёнка!

Девушка выпустила ладонь жениха и негодуя уставилась на брата.

– Ты что творишь?! – прошипела она громким шёпотом.

– Я знаю, что делаю, – задрал подбородок, высокомерно заявил он и подтолкнул сестру вперёд.

Лиза поудобнее перехватила деревянное древко – усиливающий заклинания атрибут, который ей был сегодня совсем не нужен. В одно мгновение в голове пронеслась сумасшедшая мысль о том, чтобы отказаться, бросить всё и бежать подальше от горящих костров и уставив-

шихся на неё десятков глаз, бежать прочь из круга тёплого живого света, как всякая нечисть бежит от неминуемого разоблачения и неотвратимой гибели.

Она сделала шаг вперёд, вдох-выдох, прикрыла глаза и ударила в утоптанную землю посохом, рассыпав вокруг себя снопы переливающихся красным золотом искр. Протянула к костру руку, ухватила кончики пламени и вскинула вверх – костёр ответил ей, взорвавшись треском и гулом неистовой стихии. Радостно завизжали дети, одобрительно загудели все остальные, кто-то свалился от испуга с бревна в сочную траву, кто-то ухватил кого-то за недозволенное место, послышался писк, а после – смех и звук сладких поцелуев.

Лизабет обошла костёр по кругу, закрыла и раскрыла ладонь и вбросила в самую сердцевину огня несколько синих магических искр, окрасивших пламя. Кто-то восхищённо вздохнул, и она, не оглядываясь, поняла, что это был её суженый – сын кузнеца, в изумлении застывший среди прочей молодёжи. Она пошла дальше, разжигая второй огонь, окрашивая его зелёным и золотым, затем третий – рубиново-красный с оранжевой каймой. У четвёртого к ней подбежала Элин, обняла, прижалась к юбке:

– Лиза, ты самая-самая красивая на свете волшебница, научи меня так же!

Девушка поцеловала сестрёнку в макушку:

– Хочешь – вместе попробуем?

Элин испуганно задрала голову:

– Что ты, у меня лишь маленькие искры получаются!

– Пусть маленькие. – Лиза взяла в свои руки ладошки сестры и повернула в сторону костра. – Я скажу тебе на ухо, а ты повторяй слово в слово, только смотри, ничего не перепутай! Колдовать ты будешь сама, а я просто усилю твои заклинания.

– Не перепутаю, – серьёзно пообещала Элин и приготовилась.

– Эй, малявка, – крикнул какой-то деревенский мальчишка в закатанных по колено штанах и грязной рубахе. – Отойди, дай посмотреть на колдовство!

– Сам ты малявка, – огрызнулась девочка. – Это моя родная сестра!

– Будет врать-то, рыжая, ты даже не похожа на неё совсем, – задиристо продолжал хулиган.

Лиза склонилась к уху сестрёнки и прошептала ей два простых и коротких слова, после чего рыжая малявка в точности повторила их в направлении обидчика – и он начисто лишился голоса, только рот его открывался и закрывался, как у негодующей на суше рыбыны.

– Вот так-то, – немного заволновавшись, назидательно сказала Элин.

– Это скоро пройдёт, не переживай. А вот теперь сосредоточься и слушай внимательно, это будет посложнее заклинания безмолвия.

Из рук девочки вылетели разноцветные искры, попали в огонь, закружились и взметнулись вверх вместе с обжигающе-белым пламенем, взорвались всеми цветами радуги, превратив костёр в настоящий фейерверк. Лиза зачарованно наблюдала за потоком магии, истекающим из ладошек сестры, и чувствовала абсолютное, ни с чем не сравнимое счастье. Этот день должен был закончиться именно так. Её последний день в Фоллинге. Последний день в семье.

Фред подошёл, изумлённо взял из рук Лизы свой посох:

– Да-а, луковица была права: мне рано поступать в Академию.

– Не скромничай, там ещё целых три костра, иди. – Девушка засмеялась, толкнула его в бок.

Повисшая на левом плече мистика белокурая Белла неохотно разжала объятия и, завистливо прикусив губы, уставилась на Лизу. Сын кузнеца смог только покачать головой:

– Такого я никогда не видел. Знаешь, мне ведь даже не сказали, что ты магичка.

Она искренне улыбнулась ему:

– В нашей семье все маги, ничего необычного.

– Чистокровная?! – Он раскрыл рот.

– Конечно, – влезла Белла. – Будешь ей перечить – мигом превратит в навозного жука. Свейн почесал в затылке, но больше ничего не сказал. Только гордость заставила его не отшатнуться, когда Лиза подошла совсем близко и едва слышно спросила:

– Кажется, ты говорил, что хочешь меня поцеловать?

– Э-э-э, – протянул он недоверчиво. – Может, до свадьбы всё-таки подождём?

– Хорошо, – легко согласилась Лиза. – Так будет лучше для всех.

Когда три оставшихся костра как следует разгорелись, источая ароматный дым яблоновых и вишнёвых веток, что бросали в огонь девушки, загадывая желания, мистики отыскали своих друзей и расположились на полянке почти у самой воды. Мелита Тимо заботливо окружила место их пиршества волшебными огоньками, часть из которых лежала светящимися сгустками на траве, другая часть висела, колыхаясь, над головами.

– Было красиво, – похвалила она. – Жаль, на экзамене совсем нет возможности блеснуть подобными знаниями!

– Потому что школа – скукота, – отозвался Фредерик и с удовольствием растянулся на траве.

– Кто научил вас этим фокусам? – осторожно поинтересовался Свейн, потянувшись за куском пирога с начинкой из мягкого сыра. Белла отхлебнула вина и протянула запотевшую флягу Лизе.

– Дедушка, – сказала Лиза и сделала глоток.

Вино было необыкновенным: одновременно сладким и чуть горьковатым, холодным и тут же обжигающим. Девушка вздохнула и посмотрела на мерцающие в светлых небесах звёзды. Полупрозрачные и нерешительные, проглядывали они сквозь тончайшие ночные облака. Не было настоящей ночи, и не было тьмы. Лиза прислушалась к себе и ощутила только живое, трепещущее тепло, похожее на мягкие язычки пламени. Внутри было волнительно, но в то же время на удивление спокойно, словно все узлы разом развязались, а проклятие, неведомо откуда взявшееся, обернулось мороком, наваждением, а теперь истаяло, не в силах противостоять солнечному богу и целительному огню.

Что если всё – ошибка и она самая обыкновенная волшебница? И нет никакого тёмного дара, есть лишь чистая и добрая сила, растворённая в крови. И быть ей, как мать с отцом, деревенской лекаркой или стоять, как дедушка и бабушка, на страже Предела, быть щитом против зла, что таится за Вечными горами и Тёмным лесом. А если так, то и ни к чему эта преждевременная помолвка, и нет нужды родителям печалиться и отдавать её замуж за простого человека, пусть он будет свободен, и она будет свободна, и каждый встретит когда-нибудь своего единственного... Она уже хотела было вскочить, бежать домой, лететь со всех ног, чтобы обрадовать мать и отца, но тут её жених набрался храбрости и позвал её танцевать вокруг костра. И она, лёгкая и счастливая, взяла его за руки и пошла, смеясь.

– Ты говорил, что Лиза и знать не знала, кто её жених с той стороны реки. – Белла уселась рядом с Фредериком и принялась стаскивать с уставших ног новые, ещё скрипучие сапожки, украшенные шёлковыми лентами. – А она вон какая радостная, аж сама не своя.

– Вот это-то меня и настораживает, – пробормотал юноша, заложив руки за голову.

– Что ты сказал? – мигом обернулась девушка, тряхнув волосами.

– Ничего такого. А ты что это, не хочешь разве танцевать? – Он улыбнулся.

– Хочу. Только вот ножки болят, гляди, как натёрла. – Белла подняла вверх ступню с растопыренными пальцами.

– Что, полечить надо? – учтиво поинтересовался мистик.

– Да иди ты, лечитель. В прошлый раз чуть юбки мне не подпалил. Лучше я босиком танцевать стану, так и легче, и прыгать лучше получается.

– И всё-таки я рискну, – засмеялся Фред, протягивая к ней руки, окутанные золотистым сиянием. Белла захохотала и откинулась назад, в траву:

– Эй, щекотно же! Как мурашки по пяткам!

Он взял её за руку, и они поднялись, с шутками и смехом. Белла склонила белокурую головку, наблюдая, как кружится под мелодию флейты Лизабет в объятиях жениха.

– Никогда не видела её такой счастливой... должно быть, это любовь?..

– Очень скоро мы всё узнаем, – заверил её Фред, увлекая за собой в хоровод танцующих людей.

К звукам лютни и флейты добавился голос Мелиты, звонкий и нежный. То плавный, то дрожащий, он лился над пылающими кострами, отражался от сияющей реки и уносился ввысь, в бесконечную даль, сотканную из мерцающих звёзд и перистых облачков. Молодёжь подхватила припев, пары распались, превратились в хороводы и цепочки, завлекающие всех рассеявшихся людей с собою в танец. Наступило всеобщее веселье, поднялся гомон, кто-то из волшебников запустил в толпу целую пригоршню голубых и зелёных иллюзорных бабочек, кто-то выудил из воды новую порцию холодного яблочного вина и принялся разливать в протянутые кружки, кто-то уже был пьян и пытался ловить за талии прытких и задорных девчонок. Лиза выскользнула из кольца рук и тел, незаметной тенью взлетела на пригорок и побежала прочь.

Она никогда ещё не бегала так быстро. Казалось, силуэты деревьев, светлеющее небо, дома с зажжёнными окнами, заборы, кусты – всё мелькает с бешеной скоростью, всё кружится, и от бега звенит в ушах. Скоро уже и родной двор, и знакомая с детства крыша, и шапки садовых деревьев, и мамины руки – всё теплое. Хотелось броситься на шею и сказать только одно-единственное, только про чудо, сбывшееся волшебной ночью: мама, я исцелилась, нет больше тёмного дара, нет проклятия – всё ушло, кануло в землю у костра. Охватившее Лизу воодушевление было так сильно, что она готова была уже последовать за ним и отказаться от своего первоначального плана, но вовремя опомнилась и умерила шаги. Привела в порядок дыхание и повернула не к дому, нет, совсем в другую сторону. Она должна была испробовать последнее заклинание из запрещённого списка, вложенного неизвестной рукой в «Учебник для искателей». Она дала себе слово и не собиралась отступаться от него, как бы ни хотелось ей сейчас забыть обо всём на свете и поддаться светлому зову главной летней ночи.

Калитка на заднем дворе, увитая буйным вьюном, рядом – дырка в разохшемся заборе. Несколько дней назад они с Фредом были здесь, когда спешили на помощь несчастной эльфийке, схваченной искателями. Вот здесь, справа, под мягким травяным холмиком лежала мёртвая собака. Мохнатая старая дворняжка, ушедшая в мир иной прошлой весной. Лиза осталась как вкопанная, ещё не до конца понимая, что ответ всё это время был от неё на расстоянии, как сейчас, – вытянутой руки.

Вольдемар Гвинта утверждает, что некромантия прежде всего характеризуется способностью усилием воли поднимать умершие тела и заставлять их исполнять приказы. По этому признаку узнать о присутствии дара можно даже в юном возрасте, когда дети-мистики, расстроенные смертью ручной белочки или любимой перепёлки, неосознанно вдыхают в мёртвые тела исковерканное подобие жизни, побуждая их двигаться.

Девушка не могла пошевелиться, сердце грозило выскочить из груди, кровью билось в голове и ушах – она не слышала ничего вокруг. Опустившись на колени, Лиза раздвинула сочные стебли лютиков и лугового клевера. Сорняки буйствовали в свежей, недавно взрыхлённой земле. Она выдернула несколько растений, сложила в сторону.

– Усилием воли? – неслышно прошептала она и расправила пальцы.

Ей показалось, что не остывшая после солнечного дня земля сама собой расступилась под едва заметными движениями рук. Над головой тонким острием сиял белоснежный месяц, и Лиза невольно почувствовала, что ей для чего-то нужен остро заточенный нож. Кровь? Быть может, для ритуала требуется её живая кровь? Нет? Тогда – что? Восставшая из могилы собака может броситься на неё, неопытного юного мистика, едва окончившего школу? Ножа у Лизы

при себе не было. Кто ходит на светлый летний праздник с ножом? Только отъявленные негодяи. А кто тревожит могилы в волшебную светлую ночь?..

И всё-таки требовалась кровь, хотя об этом ничего не говорилось в описании заклинания, скудно нацарапанном искателем. В ответ на лихорадочные мысли Лизы в несмелых лучах месяца блеснул зеленоватый осколок стекла. Не глядя, девушка полоснула себя по руке и не почувствовала боли.

– Прости, – прошептала она, разгребая пальцами чуть влажные комья земли. – Прости меня.

В густых зарослях смородины и жимолости пронзительно затрещали цикады. Вспорхнул из-под старого навеса и с уханьем умчался в сторону леса пятнистый ночной сыч, когда-то потрёпанный умершей собакой. Пути назад не было, пути вперёд тоже. Лиза в последний раз вздохнула, нащупывая изнутри текущую по жилам силу – горячий струящийся поток, взметнувшийся вверх костры. И направила его в зияющую тьмой могилу.

Глава 10

«Нет злой и доброй разновидностей магии, – утверждали сторонники Старой школы, – но есть энергия, что обретает форму, направление и окраску под влиянием намерения. Именно намерение, присущее любому разумному существу, превращает скальпель целителя в нож предателя, а несущий свет огонь свечи – в источник разрушительного пожара». Жажда познания привела учёных к тому, что в исследовательских целях стали повсеместно применяться заклинания, нарушающие естественный энергетический баланс между мирами живых и мёртвых. Под видом экспериментов теневые маги открывали порталы в сумеречный план и призывали сущностей, чьё нахождение по эту сторону бытия противоречило законам природы и вызывало неминуемые всплески тёмной энергии. Прикрываясь наукой и благими намерениями, некроманты практиковали принудительное возвращение души в мир живых и подчиняли себе тела умерших. Таким образом, смысл учения о добрых или злых намерениях полностью был утрачен, поскольку любое действие волшебника стало объясняться познавательным интересом. (Вольдемар Гвинта, Учебник для искателей первого года обучения)

Лиза очнулась от шороха за спиной, и первая осознанная мысль её была: конец. Конец всему и внезапно – счастье освобождения. Больше ни в чём не потребуется убеждаться и никого уговаривать, никуда не нужно бежать, не надо уезжать в Брайтхейм с нелюбимым человеком и против воли родителей убежать в далёкий неприветливый Трир.

– Лиза, – ошеломлённо прошептал Фред, положив горячие руки на её плечи и опустившись рядом.

Мёртвая собака, покачиваясь, стояла на краю своей нехитрой могилы и водила из стороны в сторону облезлым хвостом. Шерсть на ней слиплась и свалилась, сквозь натянутую тонкую кожу явственно выступали кости: незадолго до смерти дворняжка сильно исхудала от старости.

– Ты один? – отстранённо спросила сестра, не в силах оглядеться.

– Я искал тебя, потом увидел, как ты бежишь по холму... Мне весь вечер казалось, что с тобой что-то не так, – признался Фред.

– Со мной что-то не так, – горько усмехнулась девушка, указывая на собаку. – Почему ты не боишься?

– Потому что давно знаю про твой дар, – тихо ответил он. – И не боюсь. И никогда не буду бояться. Хоть целое кладбище подними и притащи в посёлок. Ты не зло и не нечисть, ты моя сестра.

– Откуда это во мне? – прерывисто вздохнула она, разглядывая грязные пальцы в свете серебристого месяца. – И за что мне это?

– Мы найдём ответ, Лиза, но сейчас, – он потерев её за плечо, – сейчас уложи её обратно! Слышишь?!

Псина попыталась сделать шаг, неловко завалилась на бок и судорожно задёргалась, стремясь вновь подняться. Куцый хвост трепыхался в густой траве.

– Давай же! – шёпотом крикнул Фред. – Упокой её, как ту призрачную девку.

Лиза медленно поднялась на ноги, сделала шаг назад, вскинула руку и послала в голову собаки беззвучную фиолетовую вспышку, похожую на зазубренную иглу. Труп замер, и Фредерик в один момент пнул его ногой обратно в яму и принялся закидывать землёй.

– Тебя могли увидеть, – в отчаянии заговорил он громче, чем следовало. – И это мог быть не я, а твой тупой трусливый женишок. Или любопытная Белла! Или кто угодно другой! Весь посёлок гуляет, никто не думает спать этой ночью!

– Я должна была проверить, это последнее, что оставалось. Прости меня, – прошептала Лизабет, помогая брату забрасывать травой тёмное земляное пятно. – Простите меня все...

– Хватит, пожалуйста! Мы уедем вместе. В Вестен, в Трир – куда-нибудь подальше, где есть нормальные маги. Мы узнаем, что со всем этим делать!

– Нет, Фредерик! На этот раз нет. Ты останешься. Всё будет именно так, как и было задумано: я уеду, а ты останешься здесь до следующего года. Какая разница, выйду я замуж в Брайтхейм или убегу куда глаза глядят? Родители уже готовы попроситься со мной! Они уже расстались со мной в мыслях, отпустили меня. Но не тебя, Фред. Прошу, послушайся и останься. Я обещаю писать тебе. Пожалуйста, это всего год, а потом мы встретимся где-нибудь – в столице или в Вестене.

– Значит, ты и не собиралась выходить замуж? – неожиданно спросил он, заглянув в её глаза.

– Конечно, нет! Как тебе могло такое прийти в голову, ведь ты знаешь меня с самого своего рождения!

– Но ты сегодня... ты сегодня была счастливой, – возразил юноша.

Лиза долго не отвечала. Они молча миновали длинные покосившиеся плетни, привычно перелезли через низкую изгородь, ведущую в спящий сад. В доме уже не было видно ни огонька. Рассеянный лунный свет струился меж замерших деревьев, светящимися облаками висели над кустарниками пригоршни белых пахучих цветов. В широкой бочке с водой плавали мелкие лепестки и отражались далёкие мерцающие звёзды. Девушка сполоснула руки в тёмной воде – колыхнулось перевёрнутое небо, месяц разлетелся осколками брызг. Не оглядываясь на брата, она пошла мимо крыльца, наклонилась и вытащила из-под лестницы свёрнутый плащ и дорожную сумку.

– Значит, ты хотела убежать, ни с кем не попрощавшись? – возмущённо прошептал Фред.

– Родители ни за что не захотят отпускать меня добровольно, как ты не понимаешь? Будь так, они дали бы своё согласие на Академию Трира, но ты ведь видишь, что у них на мою жизнь совсем другие планы, – ответила она. – Я не хочу, чтобы меня заперли или опоили сонным зельем, лишь бы выдать замуж за этого неотёсанного болвана! Ему не сказали, что я магичка, ну надо же!

– С тобой никто бы не поступил так! – почти в голос возразил юноша, и Лиза вскинула руку, заставив его понизить тон. – Но если ты уйдёшь, это ещё больше всё испортит. Мы должны держаться вместе, ведь мы одна семья! Мы должны убедить родителей!

Они направились на задний двор, куда не выходило ни одно из раскрытых в летнюю ночь окон.

– Как ты можешь просто взять и уйти? – вновь начал Фредерик, едва они присели на лавку у стены старого сарая.

– Это не так просто, как тебе кажется, – тихо призналась Лиза, всхлипнув. – Но я чувствую, что должна. Должна. Сейчас. Другого пути нет. Ты знаешь другой способ избавиться меня от этой проклятой силы? Нет? То-то же. И ты видел все доказательства, сколько нужно ещё?

– Об этом никто не знает, – попытался возразить он в отчаянии.

– Шила в мешке не утаишь, Фред. Рано или поздно открываются даже самые страшные тайны. У меня есть только один выход – бежать и как можно скорее. Говорят... – она запнулась, судорожно схватив ртом глоток воздуха, – говорят, были случаи, что мёртвые вставали сами неподалёку от места, где живёт некромант. Приходили к самому дому, чувствуя его силу. Я надеюсь, что слишком слаба для таких вещей, но я ничего не знаю об этом проклятии. И я не знаю, как обращаться с этим! Здесь, в Фоллинге, нет никого, кто может помочь мне. Предлагаешь сидеть и дожидаться, пока люди начнут что-нибудь подозревать?

– Нет, но убедить родителей... – вздохнул он и резко замолчал, обхватив голову руками и взъерошив волосы, уже понимая всю безнадёжность этого предложения. – Трир слишком далеко, как ты собираешься добираться туда совсем одна?

Она раз за разом утирала всё набегающие слёзы.

– Я пойду в Гримт. Слышала, что к празднику туда приехал торговый караван из Вестена. Если удастся его застать, одной проблемой станет меньше.

Фредерик обнял её за плечи, вздрагивающие от беззвучных рыданий.

– От Вестена до Трира несколько дней пути...

Она кивнула:

– Сейчас лето, дороги сухие. Должны быть те, кто путешествует по большим трактам. Если в обоих городах есть Академии, то должна быть и налаженная связь между ними, ведь студенты со всей страны как-то добираются до Вечных гор.

Юноша поправил волосы сестры, призывая её обернуться и посмотреть ему в глаза:

– Ты веришь этому человеку, этому магистру Тэрону?

Она вздохнула:

– Не знаю. Но мне показалось, что он может помочь, понимаешь?

Фред кивнул.

– И всё-таки ты выбрала слишком опасный путь.

– А какой путь выбрал бы на моём месте ты? – Она чуть улыбнулась, заметив и на его ресницах блестящие в лунном свете слёзы.

– Точно такой же, – честно ответил брат. – Поэтому и хочу пойти с тобой вместе.

– Нет, – отрезала она, вложив в это слово всю оставшуюся после ночных происшествий силу. Он отвёл взгляд и поник, опустив плечи.

Со стороны реки были слышны ещё отголоски празднества – сливающиеся в мелодичные куплеты призывы рассвета, первых солнечных лучей. Небо на востоке загоралось белым золотом.

– Возвращайся к Белле и остальным, – тихо попросила Лиза, но брат отрицательно помотал головой.

– Я провожу тебя. Хоть сколько-нибудь.

Она окончательно стёрла со щёк застывшую холодными дорожками влагу и оседающую росу.

– Путь до Гримта не опасен, к тому же мы ведь будущие боевые маги, а не какие-нибудь беззащитные библиотекари, верно? Ты должен быть здесь, когда проснутся родители и сестрёнки.

Фред упрямо подхватил её сумку:

– Хотя бы до поворота.

Лиза посмотрела на небо:

– Ладно. Но только до поворота.

Такого переполоха дом лекарей Сандбергов не видел с тех самых пор, как юный Эдвин случайно поджёг соломенную крышу сарая. Сейчас рослый и бородатый отец четверых детей, он возмущённо громыхал в столовой, допрашивая перепуганного жениха Лизы и его не менее перепуганных родителей о том, куда подевалась невеста. Фред предусмотрительно прятался на чердаке, ожидая, когда отец остынет и можно будет поговорить с ним и с матерью без угрозы получить по шее или быть запертым в тёмном подполе. Гости из Брайтхейма поспешно собирались домой. Сония уговаривала их остаться, проснувшиеся младшие сёстры наперебой кричали и ревели, дедушка что-то бубнил, призывая всех к спокойствию, но скандал с каждой минутой только разгорался. Вскоре пришёл и черёд Фредерика: послышался тяжёлый топот башмаков по лестнице, и с треском распахнутая дверь явила ему раскрасневшееся от гнева лицо отца.

– Куда она побежала? – выдохнул Эдвин.

– Я не знаю, – соврал юноша, отвернувшись и напрочь забыв о том, что более всего на свете отец ненавидит враньё.

– Ты знаешь! – угрожающе прорычал лекарь, приближаясь к сыну. – И скажешь правду немедленно, иначе я выпорю тебя во дворе при всех твоих дружках и подружках! Чтобы они посмотрели, какой ты у нас великий боевой маг!

В другой момент Фред ни за что не поверил бы в подобную угрозу, но сейчас на отца было страшно смотреть, и он на всякий случай втянул голову в плечи.

– Сговорились! Опозорили семью на всю округу! – Мужчина рванулся к сыну, ухватил его за рубаху, тяжело дыша. – Говори же, где Лиза?

– Далеко! – выкрикнул ему в лицо Фред. – Надеюсь, что уже далеко! И никогда не вернётся к вам, потому что вы её предали!

– Да как ты смеешь такое говорить! – вскипел отец, уже заноса руку, чтобы отвесить наглецу оплеуху, но сын не отводил взгляда, и в глазах его бушевали огонь и негодование.

Эдвин сдержался. Он никогда не бил своих детей, но, если бы не этот взгляд, непременно нарушил бы свой непреложный принцип. Взгляд Фреда отразил его самого, позволил ему заглянуть внутрь себя – искажённого злобой, задыхающегося, – и это внезапно подействовало отрезвляюще, как ушат ледяной воды. Лекарь разжал пальцы и схватился за голову. Крыша чердака не позволяла ему стоять здесь в полный рост, а потому он опустил на плетённую подстилку и прислонился спиной к деревянной подпорке, пытаясь отдышаться.

– Прости, сынок, – наконец сказал он. – Мы с матерью так перепугались...

Его голос дрожал, и Фред не выдержал, крепко обнял отца и уткнулся в его плечо.

– Лиза отправилась в Трир, разыскивать магистра, который хочет ей помочь, – прошептал он.

– Ей нельзя помочь при помощи магии, – горько сказал лекарь. – Единственное, что её может спасти, – отказ от неё. Неужели ты думаешь, что мы не искали какого-нибудь средства вывести из неё эту... это... тьфу. В мире нет такого лекарства, иначе мы бы нашли его для дочери.

– Она обещала написать, когда доберётся до Академии Трира, – сказал Фред.

– До Вечных гор неделя пути, сынок, – покачал головой Эдвин. – В городах могут быть отряды Ордена, в лесах – звери и всяческий сброд, на дорогах разбойники. А Лиза всего лишь девчонка, несмышлёная девчонка! Иди, Фред, возьми Росинку и скачи следом. Догони свою сестру и уговори вернуться домой, заставь её вернуться! Она не могла уйти далеко пешком.

Сын помотал головой:

– Лиза не вернётся, она...

Лекарь пристально посмотрел на сына:

– Что – она?

– Она боится навлечь беду на наш дом, на семью, – с трудом выдавил юноша.

Слова были чужими, они не могли относиться к его тихой, доброй и внимательной сестре.

– После поговорим, – пообещал отец, поднимаясь с полу и направляясь к выходу. – Я сам верну её.

В спешке осёдланная Росинка беспокойно прыдала ушами, её глянцево-коричневые бока лоснились на утреннем солнце. Лекарь уже вывел кобылу за ворота, когда его догнала растрёпанная и заплаканная Элин. Её рыжие волосы горели огнём вокруг румяного веснушчатого лица.

– Папа, папа, не уезжай!

– Я скоро вернусь, милая, беги домой к маме. – Он тронул лошадь.

– Мама сказала, чтоб ты шёл домой! – ещё отчаяннее закричала девочка.

Мужчина натянул поводья, почувствовав неладное:

– Что такое, Элин?

– Мама сказала, что уже пора: наша сестрёнка хочет родиться сегодня!

Он спрыгнул наземь и, поспешно бросив вожжи дочери, прыжками побежал по ведущей к крыльцу дорожке. Сония вышла ему навстречу, обхватив руками живот и тревожно заглянув в глаза.

– Ещё не пора, – возразил он ей. – Ещё целый месяц!

Жена пожала плечами, протягивая ему руки.

– Это решаем не мы с тобой.

Эдвин оглянулся на дорогу, чувствуя, как вновь поднимается откуда-то из глубины волна подавленного гнева.

– Если из-за выходки Лизы что-то случится с тобой или малышкой, я, клянусь...

Сония обняла его за шею и успокаивающе погладила по голове:

– Хватит злиться. Если не хочешь, чтобы твой пятый ребёнок появился на свет на ступеньках крыльца, отведи меня в дом и помоги всё приготовить.

Она обезоруживающе улыбнулась, и он подхватил жену на руки.

Глава 11

Широкая глинистая дорога, уже прочно схватившаяся после дождливой весны и высушенная ветрами, была пуста, над нею стелился тонкий рассветный туман, ползущий из придорожной канавы. Первую половину часа Лиза бежала, ничего не видя перед собой, не оборачиваясь, не глядя по сторонам. Весь мир был заполнен отчаянием и разочарованием, словно с наступлением утра огненные радуги волшебных костров обернулись серым пеплом, а праздничные одежды превратились в лохмотья, годные только для того, чтобы нарядить в них огородное пугало. Быстро остались позади цветущие сады и светлые домики усадеб, тусклой лентой мелькнула под старым мостом река.

Лиза не слышала ни переливчатого пения утренних птах, ни ветра, играющего в кронах придорожных деревьев, ни топота собственных ног. Её купленные родителями не то к выпускному экзамену, не то уже к предстоящей свадьбе ботиночки из светлой кожи быстро покрылись рыжеватой пылью, волосы перепутались и растрепались, а наспех собранный заплечный мешок начал безжалостно врезаться в плечо жёсткой кожаной лямкой. Девушка сбавила шаг, пытаясь привести в порядок дыхание, и резко оглянулась назад, боясь увидеть плетущуюся за ней по пятам мёртвую собаку. Никого. Поднятые её подошвами невесомые облачка пыли, полупрозрачные клочья тумана и упрямые, в человеческий рост, стебли полыни по краю глубокой канавы.

Лиза остановилась, облизнула пересохшие губы и несколько раз вдохнула и выдохнула. Мир просыпался и медленно проступал сквозь прохладный и тягучий ночной сумрак: он был желтоватым и зелёным внизу, в пестреющих пятнышках луговых цветов, и золотистым и перисто-голубым вверху. Дорога плавно забиралась на холм, петляла среди отдыхающих полей и сворачивала вправо – в светлый лиственный лес, полный дрожащих осин и молодых берёзок. Страх понемногу отступил, и девушка осторожно двинулась вперёд, уже смелее осматриваясь и прислушиваясь к окраине утреннего Фоллинге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.